

НАТАЛЬЯ
МЕДВЕДСКАЯ

Ива

16+

Наталья Медведская

Иволга

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Медведская Н. Б.

Иволга / Н. Б. Медведская — «ЛитРес: Самиздат», 2014

ISBN 978-5-532-98189-8

Даше Иволге окружающий мир и в детстве казался сказочно-удивительным. Повзрослев, девушка узнаёт, что он ещё и опасен для таких, как она. Погибает её бабушка, в один миг привычная жизнь Даши разбивается вдребезги. Что ещё ей остаётся кроме, как бежать от необычных жутких преследователей, спасая жизнь. Беглянке предстоит раскрыть семейные тайны и узнать: мир на самом деле не таков, как казался. Обнаружив в себе дар, сможет ли она правильно им распорядиться и понять, кто враг, а кто друг? И можно ли доверять странным незнакомцам, так, кстати, оказавшимся на её пути?

ISBN 978-5-532-98189-8

© Медведская Н. Б., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Глава 1	5
1947г поселок Беловодье	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наталья Медведская

Иволга

Глава 1

Светило яркое апрельское солнце, в воздухе терпко пахло свежескошенной молодой травой. По обочинам грунтовой дороги, ведущей через поле к кладбищу, среди зелени жёлтыми огоньками горели первоцветы и одуванчики, кое-где разбавляя солнечный цвет, алел адонис, синими искрами вспыхивала лаванда.

На кладбище, как в парке, от разноцветья пестрило в глазах. В этот чудесный день и похоронная процессия, и само кладбище навевали мысли о хрупкости человеческой жизни и полном равнодушии к ней природы. Светловолосая девочка, лет пяти, с интересом рассматривала птиц, поющих на деревьях, яркие искусственные и неброские живые цветы на могилах. Она перевела взгляд на людей, стоящих у гроба и вздрогнула, её глаза испуганно округлились.

– Бабуля, а у тёти Поли щупальца, как у осьминога!

Моложавая женщина лет шестидесяти внимательно оглядела вдову покойного, в её глазах появился страх. Всё утро Веру Фёдоровну мучило предчувствие какой-то беды, но она решила, что это тягостное чувство печаль по умершему соседу. Теперь же она поняла причину своей тревоги: привычный, знакомый облик Полины изменился. Вера Фёдоровна тяжело вздохнула: жаль, что кроме неё, а теперь и внучки, никто не видит истинную сущность их соседки. Она тоже не видела. Видимо, Полина расслабилась и нечаянно открылась.

«Действительно, кого соседке опасаться? Я слаба и не представляю для неё никакой угрозы. Нужно отвлечь Дашу, чтобы она не привлекала чужого внимания».

Вера Фёдоровна заставила себя успокоиться и тихо попросила внучку:

– Даша, пойдём, я тебе кое-что покажу.

– Ну, бабушка, хочу посмотреть на туманные щупальца. Я никогда такого не видела, – заулыбалась малышка.

Вера Фёдоровна растерянно огляделась. Чем бы занять малышку?

– Дашенька, посмотри, на том дереве птицы гнездышки строят, – показала она на высокую раскидистую берёзу, взяла девочку за руку и увела подальше от людей.

С непосредственностью ребёнка Даша переключилась на птиц. Она стала наблюдать за скворцами, несущими в клювах пух и сухие травинки к будущему гнезду.

Послышались удары комьев земли о крышку гроба, плач и приглушённые разговоры в толпе людей. Провожающие потянулись к выходу кладбища, стали усаживаться в машины, автобусы. Только тогда Вера Фёдоровна рискнула присоединиться к отъезжающим. Она расстроенно размышляла: «Господи, то чего я боялась столько лет, произошло, не минуло нас! Даша оказалась такой же, как и её мать. Не спас и отъезд из дома, разлука с родными. Опасный семейный дар настиг внучку!»

Тяжело вздохнув, вспомнила, как четыре года назад умоляла дочь не лечить «чёрных» людей. Объясняла: за спасение обречённых, жизнь предьявит высокую цену, но даже она не гадалась, что этой платой будет жизнь дочери.

Вера Фёдоровна не пошла на поминки к соседке, сославшись на сильную головную боль.

Даша спала. А её бабушка сидела у окна, не зажигая свет. Она вспоминала, как много лет назад сама впервые увидела «тёмных» людей.

1947г поселок Беловодье

Семилетняя Вера играла с братом Мишей во дворе дома под большой старой шелковицей, присматривая за двухгодовалой сестрёнкой Катей. Сумерки медленно опускались на землю. Ко двору подъехала лёгкая пролетка. Мужчина придержал лошадей. Из пролетки вышла молодая женщина и быстрым шагом направилась к дому. Вера посмотрела на незнакомку – вокруг гости клубился серо-чёрный туман-дым. Когда она проходила мимо детей, язычки этого тумана потянулись к ним, но тут же, словно обожжённые, отдёрнулись. Девочку обдало потоком ледяного воздуха, что-то больно кольнуло в сердце.

– Ты видел? – поинтересовалась Вера у брата.

– Тётку? Ага, видел, – пробурчал недовольный Миша: у него развалился сложенный из спичек колодец.

– А облако тумана вокруг неё?

– Не выдумывай, не было никакого облака. Поменьше сказок читай!

– Что совсем, совсем не видел? – изумилась она, чувствуя странную тяжесть в груди.

– Хватит сочинять ерунду, – вспыхнул брат и стал собирать спички в коробку. Его всегда злили выдумки Веры, он считал их глупыми.

– Но я, правда, видела, – запротестовала Вера. – Я не лгу.

Миша показал сестре язык и, кривляясь, произнёс:

– Брехушка, лунишка.

Маленькая Катя, молча пересыпавшая песок из одной плошки в другую, громко заревела. Малышка не любила ссор и всегда реагировала на них плачем. Из дома слышался шум. Бабушка Анастасия Глебовна кричала на гостью:

– Не приходи больше! Тебе нельзя помочь, ты сама во всём виновата!

Незнакомка, стоя на пороге дома, в сердцах топнула ногой.

– Я заплачу, вы таких денег и не видели!

– Деньги тут не помогут, – устало вздохнула Анастасия Глебовна, – только ты сама можешь себе помочь. Измени свою жизнь.

– Не вылечишь, шепну кому надо, и твою лавочку прикроют! – угрожала неприятная гостья.

Дети переглянулись между собой. Бабушка редко повышала голос.

– Иди с богом, – отмахнулась Анастасия Глебовна и закрыла дверь перед носом посетительницы.

Незнакомка выскочила из двора, как ошпаренная.

– Присмотри за Катей, я сейчас, – попросила Вера брата.

Бабушка сидела за столом, погрузившись в раздумья.

– Бабуля, что это за туман клубился вокруг тёти? Мне Миша не верит, обзывается.

Анастасия Глебовна взволнованно всплеснула руками.

– Ты видела туман?

– Да, и его язычки тянулись к нам.

– А какого цвета был туман? – поинтересовалась Анастасия Глебовна и зачем-то стала суетливо передвигать на столе тарелки.

– Серо-чёрный, – ответила Вера. Она впервые видела растерянность бабушки.

Анастасия Глебовна оставила посуду в покое и внимательно посмотрела на внучку.

– А раньше ты встречала таких людей?

– Нет, никогда.

Вера для убедительности покачала головой. Крупные кудряшки русого цвета подпрыгнули вверх.

– Послушай, солнышко, пусть это будет нашей тайной. Никому, ни детям, ни взрослым, ни в школе, ни на улице не рассказывай. Обещаешь?! – Она взяла внучку за плечи, ярко-бирюзовые, не по возрасту молодые глаза заглянули прямо в душу.

– Да, бабушка, обещаю! А что это такое? – Веру разбирало любопытство.

– Никто кроме меня, а теперь и тебя, не видит этот туман. И лучше никому не знать, что мы видим. Понимаешь сейчас такое время... лучше всё скрыть. Это была плохая тётя. Вот ты без разрешения взяла варенье из кладовой.

– Но я поделилась с Мишей, – стала оправдываться Вера и виновато опустила глаза, рассматривая некрашенный деревянный пол.

– Я не об этом сейчас. Вы с Мишей ели варенье. Руки и лица не смыли, и мы заметили вашу шкodu. Так и посетительница сделала что-то очень плохое, и оно, как варенье, прилипло к ней туманом. И чем больше человек делает скверного, тем чернее вокруг него цвет.

– А если бы она сделала доброе дело?

– Думаю, туман бы побледнел, – ответила Анастасия Глебовна, однако сомнение промелькнуло в её глазах.

Вера призадумалась:

– Болеет тётя из-за того, что натворила?

– Причин много и эта тоже. Ну, всё, иди за Катей. Уже совсем стемнело. И Мишу позови в дом, – напомнила она.

С того вечера жизнь Веры круто изменилась. По утрам они ходили в лес, в поле собирать травы. Анастасия Глебовна рассказывала внучке, когда и какую травку рвать, как сушить, от чего лечит. Вера училась делать отвары, мази, настои. Присутствовала при лечении больных, помогала накладывать компрессы, повязки, вправляла по мере сил вывихи. Мать Веры, Ольга, поначалу сердилась, что дочь освободили от домашней работы, но после разговора с матерью оставила её в покое.

Анастасия Глебовна была деревенской знахаркой. Не ведьмой, не колдуньей или ворожеей, а именно знахаркой, как до этого мать и бабушка. Люди шли к ней за помощью из соседних сёл и районов, отчаявшись вылечиться у врачей. Она лечила почти все кожные заболевания: «сибирку», «рожу», язвы, сыпь. Помогала при бессоннице, заговаривала испуг, убирала заикание, врачевала множество различных недугов. Принимала не всех, иногда без объяснения причин она отказывала в лечении и просила больного уйти.

Однажды к ним пришла молодая мама с грудным малышом.

– Он кричит, не переставая, особенно по ночам. Затихает только когда устанет. Я не знаю, что делать, – пожаловалась гостя.

Анастасия Глебовна развернула пеленки, осмотрела кроху. И тут Вера увидела светящийся всеми цветами радуги ореол вокруг посетительницы – это было так красиво. Девочка невольно подошла ближе, чувствуя исходящее от гостыи тепло, доброту, радость.

– Смотри, – сказала бабушка, обращаясь к матери малыша, – на его спинке щетинка. Она колется, ребёнок не может спокойно спать. Будем выкатывать.

– Но я ничего не вижу, – удивилась женщина, разглядывая сына.

Знахарка предложила ей проверить спинку ребёнка.

– Проведи пальцем по впадинке вдоль позвоночника, тогда почувствуешь. А ещё у крохи пупочная грыжа. Накричал, поэтому у него болит живот.

– Ой, и правда, что-то колется, – вскрикнула гостя, отдёргивая руку.

Анастасия Глебовна поманила внучку и ободряюще улыбнулась:

– Вера, иди сюда, попробуешь «загрызть грыжу», ты ведь умеешь.

– Я боюсь, – стала сопротивляться девочка. Паника тотчас охватила её.

– Попробуй, у тебя всё получится, – подбадривала знахарка, настойчиво подталкивая внучку к лежащему малышу.

Так Вера впервые начала лечить.

Когда посетительница со спящим малышом ушла, она спросила бабушку:

– Почему эта тётя светилась, как радуга? Возле неё так приятно находиться рядом.

Анастасия Глебовна вздохнула и погладила Веру по мягким кудряшкам.

– Тебе повезло внучка, ты встретила солнечного человека.

Глаза Веры загорелись любопытством.

– Отчего этот свет?

Анастасия Глебовна подошла к окну, с минуту помолчала, наблюдая за внуками. Миша катал Катю на качелях, малышка смеялась и просила брата, раскачивать сильнее. Потом задумчиво произнесла:

– Я точно не знаю, но думаю, что поступки, дела определяют свет вокруг человека. Доброта, честность, умение и желание помогать людям дают красивый ореол. Злость, обиды, ненависть, преступления гасят его. Я многого не знаю. Учись, Вера, и сможешь объяснить это с научной точки зрения. Наши предки умели и знали больше. Мы их потомки подрастеряли знания. В доме есть рукописные книги прадеда, но никто не может их прочесть. Мы забыли язык, на котором они написаны. Осталось только умение лечить людей, и предупреждение: никогда не помогать людям, вокруг которых клубится туман. Этим «тёмным» не тело, а душу лечить надо. Просто убирая телесный недуг, им не помочь. Свою душу они сами должны спасти. По молодости я пробовала их врачевать, но каждый раз сама болела. А они, подлечившись, творили страшные дела. Сами гибли и других губили. Эти люди меченые, мы не должны их выручать. От них спастись нужно.

Вера внимательно слушала, затаив дыхание. Потом, сощутив глаза, поинтересовалась:

– А отчего ты еле светишься, ведь столько вылечила?

Анастасия Глебовна растерялась:

– Понятия не имею. Себя-то я не могу видеть, а моя бабушка мне не объяснила. Думаю, она сама этого не знала. – Знахарка устало опустилась на стул, сложив маленькие, сильные руки на коленях.

– А другого цвета люди бывают? – спросила девочка, рассматривая себя в зеркало.

– Однажды, я видела голубовато-сиреневый цвет вокруг монаха. Красный у молодого парня, но чаще не видно, никакого ореола. – Анастасия Глебовна с улыбкой наблюдала за попытками внучки разглядеть, есть ли у неё свечение?

Потерпев неудачу, и, не заметив у себя никакого ореола, раздосадованная Вера осведомилась:

– А почему не все светятся?

– Наверно, мы видим только сильные проявления чего-то, или наш дар небольшой. Как с плохим зрением, что-то видим, а не понимаем что. Даже в нашей семье этот дар не у всех. У твоей мамы его нет, у брата тоже, про Катю ещё неизвестно. Как говорила моя мама: «Без этой способности видеть – лечить не получится».

С того разговора прошло пятьдесят три года. Вера стала Верой Фёдоровной. Анастасии Глебовне было уже девяносто восемь лет, но она сохранила прекрасную осанку, ходила, держа спину ровно. Её прежде густые совершенно белые волосы поредели. Кожа на лице и руках стала похожа на сухой пергамент. Она так и жила в родовом доме вместе с матерью Веры – Ольгой, тоже уже старушкой. Мужчины, кроме деда Фёдора, в их семье не задерживались: мало

кому понравится жена, вечно занятая с больными. Её могут поднять среди ночи и позвать на помощь. Готовит урывками, да ещё смотрит так, словно видит насквозь.

Мать Веры – Ольга никогда не выходила замуж. После рождения Миши дети мужского пола в их семье больше не рождались – только девочки. В шестнадцать лет она родила первенца Мишу от заезжего солдата. Последующих дочек тоже не баловала отцами. Вера появилась от командировочного. Катя, спустя четыре года, от студента, бывшего на практике в их колхозе. Чтобы дети не носили разные отчества, всех записали на имя деда Фёдора. Дара к лечению у Ольги не обнаружилось. Время от времени она пыталась устроить свою судьбу – уезжала в город, оставляя детей на мать. Ольга была красивой, доброй, но невезучей: в спутники жизни всегда выбирала не подходящих людей. Пока матери не исполнилось тридцать восемь лет, Вера видела её редко. Но однажды она вернулась худая, осунувшаяся, поблекшая, долго болела. Выздоровев, больше уже не покидала семью. Пытаясь наверстать упущенное время, Ольга попробовала подружиться с детьми.

Михаил пресекал все попытки матери сблизиться (ему шел двадцать второй год). Он не признавал компромиссов – не мог простить ей грехов молодости. На очередную попытку Ольги поговорить по душам, сын сказал, как отрезал: «Не было нормальной матери и не надо». Отслужив в Морфлоте три года, он уехал на шахту в Донбасс и перестал приезжать домой.

Катя приняла мать теплее, со временем простила её. Они стали часто за вечерним чаем обсуждать сельские новости. У самой Веры приезд матери не вызвал никаких чувств: бабушка всегда была ей роднее и ближе.

Окончив медицинское училище, Вера получила профессию медсестры, но в больнице не проработала и пяти лет. Анастасия Глебовна старела. Вера всё больше подменяла её, принимая больных. Она не заметила, как ей исполнилось тридцать четыре года. Её крепко спящую душу не потревожило ни одно любовное приключение. Проснувшись Вера в один миг, когда увидела на пороге дома статного, молодого мужчину. Впервые не могла бесстрастно принимать посетителя. Спросила чуть дрогнувшим голосом:

– Вы ко мне? На что жалуетесь.

Молодой человек протянул руку для приветствия. На загорелом, симпатичном лице сверкнула улыбка.

– На жизнь, красавица, жалуюсь. А вообще-то сильно болит желудок. У врачей был, лекарства пил – не помогло. Говорят, вы волшебница.

Вера смутившись, пожала тёплую ладонь. Жестом пригласила его войти в дом.

– Да какая волшебница, помогаю по мере сил. – Её сердце испуганным воробьём забилось в груди.

– А я новый агроном. Меня зовут Егор. Вас – Вера. Уже наслышан. Многозначительное имя для лекаря, вам не кажется?

Вера, досадую на себя, пожала плечами.

– Не задумывалась об этом.

Посетитель с улыбкой рассматривал её лицо: большие карие глаза, нежную кожу, родинку на щеке, упрямую складку на лбу.

«Пребывание в этой деревне начинает мне нравиться», – подумал Егор.

Она вылечила его, а со временем их отношения переросли в нечто большее.

Дальнейшее Вере вспоминалось прекрасным сном. Прогулки под луной, поцелуи, объятия, охапки полевых цветов, даримые каждый вечер, пылкие признания в любви, и печальное окончание этой истории. Ещё вечером она была счастлива, сообщая Егору о беременности. А уже через секунду ледяным душем прозвучали его слова:

– Ты что, дура, не могла предохраняться? А ещё медсестра! Решила, если забеременеешь, то я женюсь на тебе? Ошибаешься, это не входило в мои планы! В селе оставаться я не

собираюсь! Думаю, для тебя не проблема избавиться от этого. – Он брезгливо показал рукой на живот.

В одну минуту её мир рухнул.

Не слушая жалкий лепет женщины, Егор грубо сбросил со своих плеч её руки. Оглядев заплаканное лицо Веры равнодушными глазами, ушел, ни разу не оглянувшись. Она не могла поверить, что ласковый, весёлый Егор превратился в незнакомое чудовище.

Анастасия Глебовна не стала напоминать, что предупреждала. Внучка словно ослепла и оглохла, не слушала ничьих предостережений. Не видела эгоизма, бессердечия и жестокости молодого человека.

Бабушка попыталась утешить её:

– Жизнь не окончена, она продолжается. В тебе растёт чудо – это самое главное!

Но Вера зло ответила:

– Мне не нужен ребёнок без отца!

Анастасия Глебовна впервые накричала на внучку:

– И тебе, и мне, нужно отмаливать эти слова! Нам повезёт, если всё обойдется.

Казалось – обошлось. Аня родилась крепким, здоровым ребенком. Малышку полюбила вся семья. В десять лет у девочки проявился дар. Рядом с мамой и бабушкой она начала учиться искусству врачевания. Вера, глядя на дочку, оживала. Грустное лицо женщины озарялось улыбкой. Аня обещала вырасти в сильную знахарку: могла исцелять наложением рук. Обнаружилось это случайно. Ставя соседскому мальчишке примочки от фурункулов на живот, ей захотелось подольше подержать руки над ранками. На следующий день обнаружилось, что гнойники прорвали и даже частично зажили, чего раньше никогда не было. Потом проявились и другие свойства дара. Аня убирала головную боль, прикоснувшись к вискам больного. Могла снять приступ почечной колики, усмирить зубную боль, мышечные спазмы. Подрастая, девочка превращалась в чудесную девушку. Внешне она очень походила на отца, но характером мягким, добрым, искренним пошла в мать. Анна вышла замуж за одноклассника, родила дочку Дашу. Молодые вместе жили мало, больше находились в разлуке. Отец девочки учился в институте, Аня с дочкой жили у бабушки, ожидая, когда молодой папа закончит учебу. Ничего не предвещало беды, но она постучала к ним в дом и осталась надолго.

На вечерней улице пьяный водитель сбил Аню – такую официальную версию следователь озвучил её родным. Ни водителя, ни машины так и не нашли – расследование вскоре прекратили. Дочь Веры Фёдоровны прожила всего двадцать один год. Её короткая жизнь была яркой и насыщенной. Она помогла многим больным выздороветь. Девушка сделала только одну ошибку: не слушая мать, взялась исцелять «тёмного человека». Вера Фёдоровна считала, что именно это и погубило дочь. Бабушка Настя подумала так же, увидев тело внучки. Аня выглядела на много лет старше, словно кто-то перед смертью забрал молодость. Только маленькая Даша не дала Вере Фёдоровне сойти с ума от горя. Игорь, отец девочки, напивался и плакал на кухне, к гробу не подошел ни разу. От него не было никакой помощи.

Спустя месяц после смерти Анны – пропала Екатерина, приехавшая в поселок к родным. Катерина Фёдоровна пятидесятилетняя, солидная дама не могла исчезнуть без следа, но именно так и произошло. Вышла в магазин за хлебом и не вернулась. Заявили в милицию, искали, но никто ничего не видел. Муж Кати погоревал и уехал домой. Детей у них не было, он остался один в опустевшей без жены квартире.

Вера Фёдоровна, уложив годовалую Дашу спать, пошла на кухню пить чай. За столом сидела сухонькая невесомая бабушка Настя.

– Мне нужно поговорить с тобой, Вера. Необходимо, чтобы вы с Дашей уехали. Хватит с нас потерь. Вокруг нашей семьи что-то происходит: появились «чёрные» люди, а мы им, видимо, мешаем. На новом месте не лечи. Не привлекай к себе внимания. Твоя задача – вырастить Дашу! Она будет очень сильной. Ей всего год, а малышка уже светится. Здесь ей не

дадут вырасти. Погибнет, как Аня. Я поставила девочке щиты, чтобы скрыть свет. Пока я жива, они закроют Дашу от «тёмных», пусть считают, что девочка лишена дара. После моей смерти щиты продержатся недолго. Дальше будешь защищать её сама. Береги малышку! – Анастасия Глебовна поправила белую косынку на голове, тонкие сухие пальцы старушки подрагивали от волнения.

– Бабушка, почему я ничего не знаю о защите?

– Извини Вера, но я не учила тебя этому. Считала, что это знание не пригодится. Зачем скрывать свет от знающих людей? А теперь, когда ты слаба, поставить Даше щиты всё равно не сможешь, не хватит сил. За год ты должна восстановиться. После моей смерти тебе придется самой защищать Дашу. Я объясню как. Всё иди, собирайся.

Анастасия Глебовна опустила голову, разглядывая рисунок на клеёнке. Она не хотела, чтобы внучка видела, как тяжело ей дается расставание.

Вера схватилась за голову:

– Как я вас, двух старушек, брошу? Кто за вами присмотрит? Куда мы поедем с Дашей? Где будем жить?

Вера оглядела кухню. Всё в ней радовало глаз: покрытый бесцветным лаком пол, жёлтые шкафчики для посуды, большой старинный стол, огромное окно, на широком подоконнике которого стояли горшки с её любимыми цветами.

– Не о том думаешь! – рассердилась бабушка Настя. – Вот адрес. Дом не большой... я купила его два года назад, после того как Миша перестал звонить. Чувствую, что его тоже нет в живых.

– Бабушка, почему ты молчала, – перебила Вера.

– Это ты помолчи и послушай! Я предполагала, что он может пострадать. С каждым годом вокруг нас становилось всё больше «тёмных» людей. Такое впечатление, что они постепенно окружали нашу семью, а теперь начали уничтожать одного за другим. Ты стала невнимательной или, как я подозреваю – «не видящей». Я права?

Вера покаянно опустила голову.

– Давно ты потеряла дар? Почему скрыла от меня? – в голосе старой знахарки чувствовалась боль и обида. В её солидные годы она была по-прежнему бодра, сохранила острый, ясный ум.

– Он неокончательно исчез: изредка я вижу и свет, и тьму вокруг людей. Не говорила потому, что не хотела тебя расстраивать. А ты, бабушка, не преувеличиваешь опасность?

Вера встала и подошла к окну, вгляделась в залитый лунным светом сад. В этом доме она прожила всю жизнь. На высоком тутовом дереве у ворот до сих пор висели качели. Шелковица выросла, детские качели теперь болтались высоко над землей. Аня называла их – небесными качелями. Здесь всё было дорогим и милым сердцу. По дорожкам сада бегала её дочь... Вера закрыла лицо руками, глухой стон вырвался из груди.

Анастасия Глебовна дернулась всем телом, крепко сжала руки в замок.

– Не лги себе, Вера, ты видела, как изменилась Аня. В гробу лежала не молодая девушка, а пожилая женщина. Тот, кто убил нашу девочку, выпил её жизненную силу. В последнее время ты лечила без сердца, сама говоришь, что дар видения совсем ослаб. Вы должны уехать. За нас не бойся, мы с Ольгой справимся. Вряд ли «тёмным» нужны старухи. Приедешь только хоронить нас, одна, без Даши. Не рискуй!

Голос Анастасии Глебовны дрогнул, на глазах заблестели слёзы. Она помолчала. Потом справившись с собой, продолжила:

– На чердаке дома, в сундуке, лежат старинные книги на персидском языке, Мы потомки тех, кто их написал. Язык забыли, знания подрастеряли, и теперь никто не может прочесть эти записи. Дом закроешь, книги заберёшь. Вдруг внуки смогут их перевести. Письма не пиши,

только звони. Твой номер будет у верного человека, он и позвонит, если что с нами случится. Никто не должен знать, куда вы уезжаете.

Вера посмотрела на бабушку и подумала: «Откуда она берет силы бороться».

Лично ей хотелось просто лечь и заснуть навечно, чтобы больше ничего не чувствовать. Но ради Даши ей придется жить.

Они переехали за четыреста километров от родного дома в станицу Алексеевскую. Отец девочки не возражал: он учился на последнем курсе института, ему светила армия и ребёнок был «не с руки». Игорь обещал навещать дочь на новом месте и никому не говорить, где они теперь будут жить.

Всё потихоньку налаживалось. Даша росла крепким, весёлым, умным ребенком. Когда ей исполнилось три года, умерла бабушка Настя, не дожив до ста лет всего месяц. Вере позвонила мать, передала просьбу бабушки: не приезжать на похороны. Через год ушла Ольга. Незнакомый мужской голос в трубке телефона сообщил:

– Приезжайте, Вера Фёдоровна, умерла ваша мама.

Вера замерла с трубкой в руке. Она ждала этого, знала, что матери уже восемьдесят, но всё равно сообщение ошеломило. Боль потери разлилась в груди, она ощутила пугающую пустоту в сердце.

«Может, зря я послушалась и уехала? Была ли бабушка права, отправляя меня с ребёнком из Беловодья? Они обе закончили свой земной путь вдаль от нас, никто не услышал их последних слов и просьб. Как больно. Стоил ли отъезд того одиночества, на которое они обрекли себя добровольно?» – роились мысли в её голове.

Вера попросила знакомую няню из детского сада трое суток побыть с Дашей. Свой отъезд объяснила срочным обследованием в медицинском глазном центре Краснодара.

Покидая родной поселок Беловодье, она печально оглядела старый крепкий дом. Тут прошло детство, здесь познала счастье и горе, здесь осталось её сердце. Окна, наглухо закрытые ставнями, рвали душу. Соседи за небольшую плату согласились присматривать за домом, косить траву в саду и огороде. Вера Фёдоровна не решилась продать семейный дом: лелеяла надежду, что когда-нибудь сможет сюда вернуться. Хотелось кричать в голос: она осталась одна с маленьким ребенком на руках. Даже на расстоянии бабушка Настя поддерживала её дух – без неё она стала слабой.

«Никому мы с тобой Даша не нужны», – печалилась Вера, стоя перед домом.

Игорь за прошедшие три года позвонил только один раз. Сухо сообщил, что снова женился. Молодая жена ждёт ребёнка – чужая дочка ей совершенно не нужна. Больше звонков от него не было.

И вот теперь предстояло объяснить внучке: почему у соседки щупальца из тумана?

Вера Фёдоровна с ужасом ожидала этого дня и втайне надеялась: у Даши не будет семейного дара, и она спокойно проживет тихую обычную жизнь. Вера Фёдоровна души не чаяла в крохе и после всех потерь, надеялась сохранить хотя бы её. Сегодня на кладбище их спокойный мир рухнул, разлетелся на осколки, внеся суматоху в налаженный быт. Вере Фёдоровне пришла в голову спасительная мысль.

За завтраком она поинтересовалась у внучки:

– Солнышко, помнишь тётю Полю на кладбище?

– С осьминожками? – уточнила Даша. – Конечно, помню.

– Дашенька, не пугайся – это у тебя дефект зрения. Никаких щупалец вокруг тёти Поли нет. Глазки твои немного болят. Ну, видишь ты так, – пыталась объяснить бабушка и донести

до внучки свою мысль. – Помнишь, ты смотрела через цветное стекло, и всё вокруг было разноцветным?

Малышка прекратила есть кашу.

– Помню, а где мое стекло? Я снова хочу посмотреть в него.

– Даша, послушай меня внимательно. Твои глаза неправильно видят, как через стекло.

Ты поняла меня?

– А это не больно? – забеспокоилась Даша.

– Нет, не больно. Просто не обращай на это внимания. Только не говори никому, а то дети дразниться будут.

Вера Фёдоровну собрала посуду со стола и задумчиво посмотрела на внучку: «Сработает или нет эта уловка, покажет время. Права ли бабушка Настя, ограждая девочку от семейного дара? Нужно ли скрывать это от Даши? Не похожи ли мы на страусов, прячущих голову в песок? И как долго мне удастся морочить малышке голову?»

Даша получила трехцветное стекло и теперь развлекалась, рассматривая сквозь него улицу.

– Можно я пойду гулять во двор? Скоро Ира выйдет из дому. Покажу ей своё стеклышко.

Даша состроила уморительную рожицу, ожидая ответ.

– Иди, а когда выйдет твоя подружка, гулять будете у нас во дворе. Хорошо?

Даша послушно кивнула, деловито уложила игрушки и цветное стекло в детскую сумочку. Вера Фёдоровна усмехнулась, внучка выходила на прогулку, будто собиралась в поход.

За прошедшие четыре года Вера Фёдоровна так и не смогла привыкнуть к новому дому. Она постоянно ощущала тоску по прежней жизни, по оставленным друзьям, по старому дому. Нынешнее жильё было небольшим: две маленькие спальни, зал, коридор и крохотная кухня. Вместо сада на заднем дворе раскинулся огорожок с травами. Вся улица Садовая состояла из одинаковых, стандартных домов, построенных совхозной строительной бригадой для рабочих. После перестройки, приватизировав дома, некоторые собственники продали их: слишком неудобными и тесными оказались жилища. А самое главное: возле построек было мало земли. Две сотки для села – насмешка над душой деревенского жителя. Основным достоинством этих домов была дешевизна. В первый же год после переезда Вера Фёдоровна, напуганная «тёмными», превратила дом в крепость. Поставила железную входную дверь, на окна – крепкие ставни. Через несколько лет спокойной жизни она перестала закрывать ставни на ночь и успокоилась: «тёмные» потеряли их след. Единственная представительница вражьих сил соседка Полина вскоре утратила свою черноту.

«Значит, люди могут меняться в лучшую сторону, – размышляла Вера Фёдоровна. – Полина всегда радушно общается и ничего плохого не делает. Бабушка Настя просила спасти Дашу, и если для этого нужна ложь, что ж так тому и быть. Лишь бы задумка с дефектом зрения сработала».

Глава 2

Иволга помассировала глаза. Время от времени, как в плохом телевизоре, перед глазами возникала рябь. То привидится чернота вокруг человека, то блики и свет. С детства зрение беспокоило Дашу, но ни один врач не мог понять, что с её глазами. Во время обследования, на котором настояла девочка, не смотря на возражение бабушки, врач намекнул: ей нужен не окулист, а психиатр. С тех пор она к докторам ни ногой. Прослыть деревенской дурочкой, сумасшедшей, нет уж! Как-нибудь проживет и так, в конце концов, эти помехи в глазах возникали нечасто. Даша научилась не обращать на них внимания, просто отводила взгляд, и они исчезали. На здоровье и зоркость это не влияло, ну и хорошо. Она смирилась с небольшими неудобствами. Почему-то бабушка сильно переживала и расстраивалась, если она сообщала, что снова видела темноту или свет вокруг людей. Не желая доставлять ей огорчение, Даша бодро отвечала, что всё прошло и зрение больше не беспокоит.

К семи годам Даша постепенно выяснила, что люди, которые ей кажутся «тёмными», обычно злые и жестокие, а «светлые» чаще всего добрые и хорошие. Она быстро сообразила: какая польза от этого знания. От плохих людей нужно держаться подальше, а с хорошими можно дружить и общаться. И если этот дефект зрения помогает в жизни – значит необходимо смириться и использовать его в повседневной жизни. Она не понимала, почему бабушка так боится даже малейшего упоминания о видениях. Если у кого-то хороший слух или голос – все радуются, а она видит то, что другие не видят и вынуждена скрывать.

Даша избегала общения с соседкой тётей Полей после того, как увидела густой туман вокруг неё, но та любила приходить к бабушке в гости, поболтать и попить чаю. Тётя Поля считала Дашу невоспитанной грубиянкой и часто делала замечания, чем выводила ребёнка из себя. Внешность тётки казалась Даше неприятной. Острый длинный нос соседки словно вынюхивал что-то. Близко посаженные бледно-голубые глаза постоянно выискивали к чему придраться. Однажды тётя Поля сказала, что Даша с подружкой оборвала в её саду неспелые сливы. Девочку возмутило преувеличение: они с Ирой сорвали по две сливы с ветки, переверсившейся через забор. Когда соседка ушла, она спросила бабушку:

– Почему ты общаешься с ней? Она гадкий человек!

Даша подумала, что её ужасно раздражают пегие крашенные волосы и узкий, как щель рот тёти Поли.

Вера Фёдоровна возмутилась:

– Пока я вижу одно: ты грубишь ей по любому поводу. А соседка не сделала нам ничего плохого. Нельзя так обращаться с людьми!

– Она чудовище со щупальцами! – вырвалось у Даши.

– Я думала, что у неё исчезла чернота, – растерянно произнесла Вера Фёдоровна и схватилась за сердце.

Даша пожалела о сказанных словах и уже привычно солгала:

– Да нет ничего у неё – это я так от злости придумала.

Вздыхнув, бабушка накала в стакан валерьянки.

– Дашенька, никогда не шути этим.

Двенадцатилетняя Даша со своей лучшей подружкой Ирой катались возле дома на качелях. Вскоре к ним присоединились Кирилл и Ваня, одноклассники девочек. Стало веселей. Ребята

предложили поиграть в «вышибалу». Увлечшись игрой, они не заметили, подъехавших к ним на мотоциклах двух парней.

– Эй, детишки! – окликнули они подростков.

Мальчишки с восторгом стали глазеть на великолепные мотоциклы, а Ира, открыв рот, разглядывала красивых парней в кожаных куртках. Только Даша застыла от ужаса: вокруг юношей клубился чёрный туман. От них исходила смертельная опасность. Даша не знала, откуда ей известно, но она была в этом уверена.

– Вы к нам обращаетесь? – спросила Ира, застенчиво опустив ресницы.

Парни захохотали.

– А ты, дюймовочка, ещё кого-то рядом видишь? – осведомился один из мотоциклистов. – Кто хочет прокатиться с нами и показать, где находится пруд? Ну, кто смелый?

Ваня и Ира первыми изъявили желание проехать на мотоцикле с незнакомцами.

– Нет! Не надо с ними ездить! – закричала перепуганная Даша. И схватив за руки своих друзей, попыталась их удержать.

– Иволга перестань, ты ведешь себя, как дура! – Ира стала отталкивать её руки от себя. Бледная, как у всех рыжеволосых людей, кожа девочки резко покраснела. Веснушки мгновенно обесцветились. Когда она сердилась, то всегда называла подругу по фамилии.

– Не смейте их никуда везти. Я буду кричать на всю улицу! – пригрозила Даша парням. Они переглянулись и присмотрелись к девочке.

– Надо же в таком захолустье завелась «свеча», – произнёс один из них. – Не стоит рисковать, вдруг по близости обретается семейка «светлых».

Парни завели мотоциклы и быстро покинули подростков.

Злой Ваня, мечтавший покататься на «Харлее» и жестоко лишенный этого, обрушился на Дашу.

– Ты больная что ли? Если сама всего боишься, хотя бы нам не мешай!

– Да, Иволга, зачем ты опозорила нас? – добавила подруга, зло сверкая зелеными глазами.

– Я увидела, что они хотят навредить вам, – попыталась объяснить своё поведение Даша.

– Интересно, как ты это увидела? – ехидно осведомился Кирилл.

С некоторых пор он старался говорить солидно, подражая пришедшему из армии брату. Кирилл был старше друзей на год и считал это большим плюсом к своему авторитету.

Даша посмотрела ему в глаза и решила сказать правду:

– Иногда я вижу что-то вроде тёмного дыма вокруг плохих людей. А у этих мотоциклистов был очень чёрный дым.

– А рога и пламя из ушей ты не увидела? – заулыбался Ваня. Узкие глаза мальчишки превратились в щелочки.

– Когда выдумываешь, делай это хотя бы правдоподобно, – посоветовал не по возрасту крупный и серьезный Кирилл. Обычно за ним оставалось последнее слово в любом споре.

Даша сделала ещё одну попытку убедить друзей.

– Но я говорю правду!

– Иволга, хорош врать. Ты говоришь, как ненормальная. Признайся, что испортила нам поездку и оправдываешься, говоря всякую ерунду! – разозлилась подруга. – Я не буду с тобой разговаривать, пока не извинишься, – потребовала Ира. Её большой рот презрительно скривился.

– Не буду я извиняться. Не за что, – заупрямилась Даша. Обида жгла душу девочки.

– Твоё дело.

Ира, не оглядываясь, пошла домой. Мальчишки отправились следом.

«Неужели мне никто не поверит. Значит, бабушка права, советуя скрывать свой дефект», – подумала Даша, грустно глядя вслед уходящим друзьям.

Наученная горьким опытом, она стала тщательно скрывать свои видения. С подружкой Даша помирилась. Ира уже на следующий день позвала её гулять на улицу. Подруга просто не умела долго обижаться, да и без Даши было скучно. Она умела придумывать разные игры и интересные занятия. Лишенная фантазии Ира ценила это в ней.

Завтра выпускной бал. Окончена школа. Сданы все экзамены. Даша примерила платье и покрутилась у зеркала. Хорошо, что она послушала бабушку и выбрала наряд бирюзового цвета: этот оттенок замечательно подчёркивал необычный цвет её глаз. Даша распустила волосы, тряхнула ими.

«Подкручу локоны на крупные бигуди, сбрызну лаком и больше ничего не стоит делать». В голове всплыл недавний разговор с бабушкой. Как-то она спросила:

– Какого цвета моя шевелюра?

Вера Фёдоровну долго раздумывала и неуверенно ответила:

– Как прозрачный липовый мед.

Иволга критически осмотрела себя

«Кроме глаз цвета бирюзы, ничего примечательного нет: обычный рот, нос, брови и волосы непонятного цвета, – рассуждала она, немного лукавя перед собой. – Лицо нужно сделать ярче», – и, взяв косметику, усердно принялась наносить макияж.

Результат разочаровал: насыщенные краски теней и губной помады придали лицу вульгарность и простоту. Даша смыла косметику. Выбрав светло-голубые тени, чуть коснулась кисточкой век. Рука неуверенно нанесла еле заметную подводку, подкрасила ресницы.

«Вот теперь другое дело», – ей не хотелось признаваться, что лицу достаточно своих красок.

Иволгу сердил румянец на щеках, как у матрешки, и сочная окраска губ, из-за которой не подходила никакая помада. Когда же она подкрасила коричневые брови чёрным карандашом, то стала выглядеть, как Марфушенька из сказки «Морозко». Умывшись в очередной раз, решила эксперимент с косметикой продолжить завтра.

В предвкушении завтрашнего бала Даша взялась за уборку дома. Радость от предстоящего выпускного омрачалась болезнью бабушки. Семьдесят два года – это не пустяк. Вера Фёдоровна попала в больницу с банальной простудой, но температура почему-то не снижалась. Не уменьшилась она и через неделю, и через две. Врачи забеспокоились и положили её в стационар на лечение. В больнице Вера Фёдоровна находилась уже восемь дней и пока изменений к лучшему не происходило. Даша собиралась поехать к ней после обеда, но неожиданный звонок изменил планы. У всегда спокойной бабушки дрожал голос. Она умоляла внучку приехать в больницу немедленно.

К десяти часам утра воздух прогрелся до плюс тридцати. В переполненной маршрутке было нечем дышать. Иволга ненавидела жару. Сарафан прилип к спине, капли пота струйкой стекали по позвоночнику. Даша проскользнула на освободившееся место у окошка. Сразу стало легче: ветерок обдувал разгорячённое лицо. Закрыла глаза, наслаждаясь прохладой. Рядом села потная женщина, но тотчас вскочила, бормоча:

– Вторая свеча за месяц, откуда их столько?

Даша лениво подумала: «Кто-то ещё свечи использует».

К трехэтажному зданию больницы она почти бежала. Пока лавировала среди припаркованных на стоянке машин, в голове билась только одна мысль: «Что случилось?»

На подходе к приемному покою она притормозила. Решила немного отдышаться. Больница, построенная лет пятьдесят назад из белого кирпича, и сейчас выглядела нарядно. В течение многих лет в здании делали только косметический ремонт. А недавно поменяли деревян-

ные окна на современные пластиковые и поставили новые двери. Строение окружали высокие деревья, посаженные сразу после окончания строительства больницы. В холодке Даша успокоилась и решительно открыла входную дверь. Медсестры на посту не было. Она немного подождала, морщась от запаха лекарств, хлорки и еды из столовой, и решилась идти в палату без разрешения.

В полутени задёрнутых штор Даша не сразу узнала бабушку: за одни сутки та разительно изменилась. На узкой кровати лежала худенькая старушка. Нос заострился, глаза ввалились, кожа на лице посерела, аккуратно выкрашенные волосы, свалялись и поредели.

– Бабушка, что с тобой? – спросила перепуганная внучка.

– У меня осталось мало времени. Выслушай внимательно и не перебивай, – прошелестел тихий голос.

Даша наклонилась ниже.

– Да, бабушка?

– Прости меня за ложь. У тебя нет проблем со зрением, – прошептала Вера Фёдоровна. – Ты и в самом деле видишь одних людей, окруженных чернотой, а других светящимися. Почти у всех в нашей семье был этот дар, но он очень опасен. Мы чем-то мешаем «чёрным» людям и они уничтожают нас. Я хотела тебя спасти. Совсем крохой увезла от родных, а когда твой дар проявился, сказала, что это дефект зрения. Двенадцать лет мы жили спокойно: я больше не видела «тёмных» людей. То, что вокруг соседки исчез туман, приписала изменению в лучшую сторону. Не догадывалась, что окончательно потеряла свой дар, а ты, взрослая, не говорила больше, что видишь нечто странное. Так мы и жили в неведении. Нас долго не трогали, но сейчас опять что-то произошло, и они снова начали действовать. Теперь понимаю, почему соседка последний месяц без конца звала пить чай. Она потихоньку травила меня, а я ничего не подозревала, пока не попала в больницу. Здесь мне стало ещё хуже. Этой ночью я проснулась и увидела врача, склонившегося над моей кроватью. Он был «чёрный». Щупальца из тумана от него тянулись ко мне и вытягивали жизненные силы. Я увидела это. Видимо, в момент опасности дар снова проявился, жаль, что так поздно.

Врач заметил, что я не сплю, сказал: «Еще немного и вы выздоровеете совсем».

Он оскалился, как зверь, и спокойно вышел из палаты. До утра я не сомкнула глаз. При свете дня произошедшее ночью показалось сном, наваждением, но тут в палату зашла медсестра. Она тоже была «тёмной» – значит, мне не привиделось. А теперь я смотрю на тебя и вижу: ты сверкаешь, горишь, как свеча.

– Что? – изумилась Даша. – В маршрутке одна тётка заявила: «Две свечи за месяц, откуда их столько?» Значит, она видела меня? Я похожа на свечу? И есть другие, такие как я?

– Да, Даша, это она говорила о тебе, следовательно, есть и другие. «Чёрные» действуют вместе, и нам надо было объединяться – тогда стали бы сильнее. Но сейчас ты в опасности, а я ничему тебя не научила. Прости меня, боюсь, была не права, решив всё скрыть. Ты должна уехать, как можно скорее. В моей спальне, в нижнем ящике шкафа, лежат документы на родовой дом в поселке Беловодье. Они на твоё имя. Там же две банковские кредитные карты, на одну перечислят деньги за наш дом здесь, когда его продадут, на другой немного денег на первое время. В старом доме в Беловодье на чердаке лежат книги, возможно в них ответы на все твои вопросы. Я так и не удосужилась забрать записи. Сейчас есть интернет, надеюсь, ты сможешь понять, что в них написано.

– Бабушка, ты бредишь. Кто продаст дом? А как же мы с тобой? – запротестовала Даша.

– Я не переживу ещё одну ночь. Дом продаст знакомый юрист после моей смерти. Он же займётся и похоронами... Ему дана доверенность... на такой случай... ещё три года назад. Хоть это я сделала правильно... Обещай, мне, что уедешь... Обещай! – чуть повысила голос Вера Фёдоровна и коснулась ледяной рукой пальцев внучки.

– Хорошо, хорошо, – успокаивающе сказала Даша, окончательно убеждаясь в бреде бабушки.

Вера Фёдоровна говорила с трудом, переводя дыхание, собираясь с силами. Потом произнесла совсем что-то не понятное:

– Им тоже виден твой свет... Щиты упали, исчезли. Нет сил держать...

Даша схватила бабушку за руки, слёзы катились по щекам.

– Бабулечка, я заберу тебя, мы поедem в другую больницу, там помогут тебе!

– Ты должна сейчас уйти и собраться для отъезда... Опасность... Пообещай мне, что будешь осторожна... Спаси себя. Иначе всё, что я пережила, было напрасно.

– Я не брошу тебя, – заупрямилась Даша, – и больше не позволю им вредить!

– Хорошо, оставайся... Днём меня никто не трогал, только ночью – сейчас я в безопасности... Принеси мне минеральной воды, магазинчик рядом, – чуть слышно попросила Вера Фёдоровна.

– Я принесла сок, – Даша достала из сумки пакет яблочного сока.

Вера Фёдоровна смогла выдавить искреннюю улыбку.

– Не бойся, иди, со мной за это время ничего не случится. Купи ещё апельсинов и шоколадку.

Даша неохотно послушалась и отправилась в магазин. Быстро покидала в корзину покупки, подошла к продавцу. У кассы выстроилась небольшая очередь. Ожидая, она размышляла: «Или бабуля сошла с ума, или я не хочу верить во всё это. Похоже на бред. Своим глазам я привыкла не доверять. Когда прошлый раз навещала бабушку, врач выглядел как обычно и медсестра тоже».

Уложив покупки в пакет, Даша поспешила обратно.

Она шла по больничному коридору, когда справа от неё открылась дверь. Толкая медицинский столик, из палаты вышла медсестра. Она взглянула на Дашу и замерла, глаза женщины округлились. Резко отодвинув столик в сторону, медсестра бросилась прочь от девушки. Та же находилась в ступоре: вокруг поспешно убегающей женщины клубился чёрный дым-туман. Пакет выскользнул из руки Иволги, апельсины оранжевыми шарами покатались по коридору. Бутылка минералки больно ударила по ноге, возвращая в реальность. Даша подошла к палате бабушки и приоткрыла дверь. Машинально зажала рот ладонью, гася крик ужаса. Склонившись над бабушкой, стоял врач. Щупальца из чёрного тумана ползли от его рыхлой, полной фигуры в белом халате и окутывали тело старушки на кровати. На её ссохшейся тонкой коже вспыхивали и гасли искры.

«Но сейчас день, не ночь, почему они не бояться?» – пронеслось в голове Даши.

Врач стал медленно оборачиваться, словно что-то почувствовал. Даша отпрянула от двери и присела за спинку дивана, стоящего в коридоре. От жесткой обивки пахло пылью и затхлостью. Скрипнула дверь. Доктор вышел из палаты, его маленькие глазки, утонувшие в пухлых щеках, пристально осмотрели коридор. Он странно причмокнул влажными бледными губами. Убедившись, что коридор пуст, мужчина направился в сторону противоположную от убежища Даши. Наступила тишина. Даша поднялась из-за дивана и, тихо приоткрыв дверь, проскользнула в палату. Ещё не подойдя к кровати, поняла: бабушка мертва. Знакомый мир больше не был простым и ясным. Он всё больше напоминал фильм ужасов, пугал до колик в животе, до неудержимой дрожи. Послышался дробный стук, она не сразу осознала: стучат её зубы. Иволга не могла заставить себя подойти к бабушке ближе. Наконец решившись, сделала пару шагов к кровати.

«Господи эти чудовища убили её!»

Даша трясущейся рукой закрыла глаза умершей.

Инстинкт кричал: «Беги, немедленно беги!»

Но страх сковал тело. Прилагая усилия, чтобы сдвинуться с места, она наконец скинула оцепенение. Стараясь не смотреть в сторону кровати, взяла с тумбочки старенький мобильник бабушки. На подкашивающихся ногах добрела до двери и выглянула в коридор. Трое больных собирали апельсины. Медперсонала поблизости видно не было. Даша выскочила из палаты и помчалась из больницы прочь.

«Бабушка прости меня за то, что не поверила сразу! Струсил! Не защитил! Прости! Прости». Даша металась на автобусной остановке. Пережитый ужас не давал спокойно стоять в ожидании маршрутки. Казалось, что мрачные тени окружают со всех сторон, заслоняя солнце.

В салоне автобуса она вглядывалась в каждого человека, пугая безумно-лихорадочным взглядом пассажиров, сторонившихся такого пристального внимания.

В дом Даша вбежала, запыхавшись. Сердце билось, как птица в клетке. Когда-то она смеялась над бабушкой превратившей их жилище в неприступную крепость. Теперь же запирая железную дверь на замок, закрывая крепкие ставни на окнах, бормотала: «Вот оказывается, чего она опасалась».

Наконец почувствовав себя в безопасности, Даша села на пол и горько заплакала.

Спустя час ей удалось немного успокоиться. Вытащила из шкафа сумку и стала укладывать вещи. Хотя утро прошло без завтрака, от одной только мысли о еде её сразу же затошнило. Найдя в тумбочке документы, она бегло просмотрела их. Дом находился в поселке Беловодье недалеко от города Ростов-на-Дону. Открыв ноутбук, послала запрос: «Автобусные рейсы на Ростов». Оказалось, что ближайший рейс в девять вечера. На сборы времени было достаточно.

«Я узнаю, кто или что вы такое? Тогда вернусь, и вы заплатите за то, что сделали с бабушкой!» – пообещала себе Иволга.

Даша осознавала, что задерживаться нельзя. Из дома-крепости всё равно рано или поздно придется выйти и тогда она окажется беззащитной перед «тёмными».

«Особенно обидно, что никто не поверит. Все будут уверять: бабушка умерла естественной смертью. Никто не защитит, и чудовища доберутся до меня, – размышляла она. – Значит, нужно уезжать. Бабушка говорила о какой-то книге. Прочитаю и найду способ бороться с «тёмными». Я отомщу им».

Посреди комнаты постепенно выросла горка из вещей, документов, бабушкиных тетрадей с записями и альбомов с фотографиями.

«Нужно позвонить Ире, – вспомнила Даша, – попрощаюсь хотя бы с ней».

Ирина была единственной подругой с детства. Именно ей Даша изредка говорила о своих видениях. Сначала подруга не верила, думая, что её разыгрывают. Чуть позже «болезнь» Даши стала воспринимать спокойно: у всех свои причуды. В июле подруги собирались поступать в политехнический институт.

«Никакого института теперь не будет. Сначала нужно разобраться с этой чертовщиной. Не до учебы пока угрожают жизни. Ничего у меня не будет: ни выпускного, ни друзей рядом, ни бабушки – всё благодаря этим тварям! В один миг лишили всего. Бабушка... Прости меня», – снова заплакала Даша.

Началась икота. Не помогало ни питье воды, ни задержка дыхания. Зазвонил телефон. Она замерла, потом взяла трубку двумя пальцами, как ядовитую гадюку. Высветился незнакомый номер. Подождала. Телефон умолк, и тут же зазвонил другой – бабушкин. Даша вскрикнула от неожиданности: «Они не оставят меня в покое!»

На дисплее обозначилось имя соседки.

Тело прошила нервная дрожь, икота прекратилась. Снова послышался звонок, но теперь уже во входную дверь.

– Даша, открой, я видела, как ты приехала. Хочу сообщить тебе печальную весть. Крепись девочка, горе-то какое! – запричитала тётя Поля.

– Я вас прекрасно слышу, – с ненавистью в голосе заявила Иволга.

– Умерла твоя бабушка, – продолжила речь соседка.

Даша подошла к двери и встала возле неё, с силой сжав кулаки.

– Я знаю. Оставьте меня в покое!

– Открой. Тебе нельзя быть одной в такую минуту.

– Позвоню подруге, она приедет – буду не одна. Идите домой тётя Поля. – Даша еле сдерживалась, чтобы не выдать себя и не начать обвинять соседку в гибели бабушки. Её охватил гнев, страх, боль, сожаление – все эти чувства теснились в груди, готовясь прорваться новым приступом слёз.

– Открой, я боюсь за тебя, – уговаривала тётя Поля.

– Будьте добры, уйдите! – зло проговорила Даша.

Послышалось шипение, словно настырная соседка с силой вдохнула воздух сквозь крепко стиснутые зубы.

«Как змея шипит», – промелькнуло в голове Иволги. Раздались шаги. Приоткрыв ставень, Даша наблюдала, как грузная соседка шла к калитке, всегдашнее грязное облако сопровождало её. Она с детства видела серо-чёрный ореол вокруг этой женщины, но старалась не обращать на него внимания. Теперь же заинтересованно смотрела вслед и заметила, что вокруг головы чернота сильнее. Тёмные дымные языки, как змеи у медузы Горгоны, извивались во все стороны. Даша плотно закрыла ставни, взяла телефон и набрала номер подруги.

– Ира, приезжайте с Кириллом на машине. К половине девятого вечера отвезете меня на вокзал.

– Дашка, ты чего с моста упала, какой вокзал?

– Приедешь, всё объясню. Пожалуйста, не опоздайте! – В её голосе прозвучали истеричные нотки.

Ира почувствовала: что-то произошло. Подруга никогда не говорила таким тоном.

– Жди. Мы приедем, – попыталась она успокоить Иволгу.

В восемь часов вечера возле дома остановился белый «Опель». Кириллу, месяц назад получившему права, отец доверял свою машину, и парень очень этим гордился. Друзья уже были у калитки, когда к ним подошла соседка. Даша видела в окно: она принялась что-то рассказывать. Подруга всплеснула руками и посмотрела в сторону входной двери. Втроем они направились к дому. Ира громко постучала в дверь.

– Иволга, тётя Поля рассказала нам, что случилось. Открой, пожалуйста, дверь.

– Вы войдете, когда тётя Поля отправится к себе домой, – ответила Даша и сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

– Но почему? Что за глупое упрямство? – удивилась подруга.

– Пусть она уйдёт! – Даша была непреклонна. – Сделайте, как я прошу.

За дверью о чём-то тихо спорили. Даша выглянула в окно и убедилась, что соседка ушла.

Быстро открыв входную дверь,пустила друзей в коридор. Не обращая внимания на их замешательство, снова щёлкнула замками.

– Ирка, не знаю, что тебе наговорила тётя Поля, но если ты мне подруга, поверь – я в опасности! Объяснять долго. Просто помогите! Мне необходимо уехать из посёлка.

– Она сказала, что ты тронулась умом из-за бабушки, поэтому тебя нужно срочно отвезти в больницу. Выглядишь ты и правда не очень, – ответила Ира, разглядывая подругу.

Опухшие веки Даши покраснели, волосы растрепались, на бледном лице лихорадочным блеском горели глаза.

– У меня в порядке с головой. Вспомни, как часто тётя Поля наговаривала на нас. И сейчас лжёт. Поверь мне! – умоляла Даша.

Кирилл, стоящий молча, внимательно смотрел на перепуганную до смерти хозяйку дома. Потом обратился к Ире.

– Мне не понравилась тётка, что-то она темнит.

«Если бы ты знал, как она «темнит», – усмехнулась Иволга.

– Вещи собрала? Тогда поехали. – Кирилл поднял большую сумку. – Стой! Ты отключила газ, свет, воду?

– Мне это даже в голову не пришло, – растерянно пробормотала она.

Кирилл оглядел комнату.

– Свет вырубается в коридоре, газ и вода на кухне?

Даша кивнула.

Посидите. Я всё сделаю.

Иволга облегченно выдохнула: друзья ей поверили.

Кирилл деловито направился на кухню. Для восемнадцатилетнего юноши он выглядел взросло, и часто ставил друзей в тупик своей хозяйственностью и житейской смекалкой.

– Дашка, ты уверена, что нельзя поступить по-другому? – Ира обняла подругу и заплакала. – Когда ты вернешься?

– Я не знаю, – честно ответила Даша.

Они уже сели в машину, когда на улицу выскочила соседка.

Даша разозлилась:

– Поехали, не обращай на неё внимания.

– Ты что-то стащила? Почему она так бесится? – Ирина удивлённо разглядывала в заднее окно автомобиля красную от злости женщину. – Смотри, её всю перекосило от злобы.

– Ира, поверь, ничего, ни у кого не брала и ничего не натворила. Мы обязательно увидимся, и я объясню, что произошло сегодня. Будет лучше, если вы не пойдёте со мной к кассам. Так, на всякий случай.

– Ты что не доверяешь нам? – обиделась подруга.

Кирилл, сидящий за рулем, хмыкнул и обернулся к Даше.

Она смутилась и тихо сказала:

– Доверяю. Но всё слишком серьезно. Я позвоню тебе, расскажешь мне о выпускном бале.

– Елки-палки выпускной бал! Я совсем забыла о нем. А тебя не будет с нами. – Ира всхлипнула. – Что вот так и расстанемся?

Её вздернутый курносый нос покраснел, большой, как у голливудских красавиц рот некрасиво скривился.

– Мы обязательно ещё увидимся, обещаю тебе, – ответила Даша серьезно и, освободившись от объятий подруги, вышла из машины.

На душу легла тяжесть. Боль от потери бабушки смешалась с болью от расставания с друзьями и камнем придавила сердце. Они вчетвером дружили с начальной школы. В восьмом классе Кирилл обнаружил, что рыжеволосая Ира нравится ему не как подружка по детским играм. Через год друзья стали парой.

Иволга оглянулась и помахала им рукой. Они стояли возле машины и смотрели ей в след. Ирина вытирала слёзы платком, а Кирилл, обнимая за плечи, утешал.

Даша вошла в двухэтажное здание вокзала и перевела дух. Получив в кассе билет, направилась на посадку. Она рассеянно смотрела на стены автовокзала, выложенные из красного кирпича, и только сейчас заметила: он отдаленно напоминает Кремль в Москве. Даша по-прежнему тревожно приглядывалась к людям, находящимся рядом с ней.

– Как исчезла?! Полина, ты рискуешь навлечь на себя гнев Князя. Когда много лет назад ты убила мужа, кто вытащил тебя из неприятностей? Кто заставил врача написать в справке: смерть от естественных причин. Забыла? – мужчина лет пятидесяти, брызгая слюной, распекал

соседку Даши. Второй мужчина немного похожий на него, но ниже ростом и толще килограммов на тридцать, молча стоял рядом.

– Я не знала, что девочка «свеча». Много лет она не проявляла никаких способностей. Поверьте, я даже не подозревала об этом. Всегда считала её просто противным, вредным ребенком. Никакого свечения не было. Мне позвонила медсестра из больницы. Сообщила, что внучка Веры Федоровны приходила в палату к бабушке. И эта внучка – сильная «свеча». Медсестра встретила Иволгу в коридоре, она, кстати, возмущалась, что я не предупредила об опасности. Вот так я узнала о даре соседской девчонки. Я всё сделала, чтобы её задержать, но поганка скрылась! О том, что Князю нужна Вера Фёдоровна, я узнала случайно и сразу сообщила. Женщина была очень слабой солман – удивляюсь, зачем она ему понадобилась?

– Это не твоего ума дело, – пробурчал молчащий ранее мужчина и поправил волосы, прикрывая лысину на макушке.

– В нашем поселке живет ещё одна «свеча», может она заменит сбежавшую девчонку, – предложила Полина. Женщина нервничала: опасаясь все сильного бераяя. Она знала: в наказание он мог просто уничтожить её.

– Князь сам решит, как поступить. Попробуем поискать зацепку в доме, чтобы понять, куда уехала эта соплячка?

Братья направились к дому Иволги.

Полина оглянулась по сторонам и, убедившись, что никто не видел чужаков, облегчённо выдохнула.

«Жалко, что гадкая девчонка поздно проявила себя. Сколько необходимой энергии можно было бы забрать. А вдруг сила у Дашки присутствовала всегда? – Кожа Полины покрылась мурашками. – Этого просто не может быть! Скрыть принадлежность к солман или бераяя, можно только закрывшись щитами. Для этого нужна сила: длительное поддержание щитов требует большого количества энергии. Никто не способен держать их долго. Значит, у девчонки произошло спонтанное возникновение дара. Или бабка каким-то образом передала?» – размышляла женщина.

Она знала: солман не способны нанести вред. «Тёмные» боятся их по одной простой причине: с ними невыносимо находиться рядом. Как нельзя дышать под водой. Если бераяя долгое время близко общался с сильным солман, то неизбежно менялся. Свет постепенно, по капле выжигал тьму, и «тёмный» терял способность красть энергию других людей. Бераяя превращался в обычного человека – это было страшнее всего. Приходилось работать и жить как все: стареть и болеть, не имея возможности воровать чужое здоровье. Очень часто «тёмные» занимались гаданьем, «лечением», продажей трав и лекарств. Они обладали даром внушения и жили припеваючи. Терять из-за «светлых» лёгкую жизнь никто не хотел. Совесть, жалость и наличие души для бераяя были понятием отвлеченным. Конечно, можно было втереться в доверие и травить солман, ослабляя физически. Слабый «светлый» долгое время мог служить донором. Но всегда существовал риск: не справиться и потерять силу. Это была своеобразная игра в рулетку.

Полина долго стояла во дворе, дожидаясь выхода братьев из дома соседей. Наконец они показались на пороге.

– Обнаружили что-нибудь? – поинтересовалась она.

– Нет. Девчонка забрала документы и записи. Трудно предположить, куда она направилась. Может, ты догадываешься? – спросил один из братьев.

– Откуда... – Полина махнула рукой и подумала: «Нет, я не игрок. Хорошо, что Дашка уехала. Исчез соблазн разжиться дармовой энергией».

Глава 3

Под тихий шум автобусного мотора утомлённая, измученная Даша уснула. Разбудил её крик младенца. На одной из остановок, поздней ночью, в автобус села молодая женщина с малышом. Недовольные пассажиры стали высказывать ей:

- Нечего с таким крохой отправляться в дорогу.
- Дома нужно сидеть, когда ребёнок маленький.
- И нам покоя нет, и ему лишние тяготы.

Женщина оправдывалась, объясняла, что не с кем оставить малыша, а ехать необходимо. Она как умела, успокаивала кроху. Прошел час. Младенец продолжал кричать. Начали возмущаться самые терпеливые пассажиры, одновременно жалея, и ругая непутевую мамашу. Она принялась ходить по проходу, качая ребёнка, и плача вместе с ним. Дашу как будто что-то толкнуло.

- Можно мне взять вашего малыша? Не бойтесь, я подержу его, а вы отдохнете немного. Попутчица, всхлипывая, пробормотала:
- Он не признаёт чужие руки. Будет плакать ещё сильнее. Но за сочувствие спасибо.
- Давайте его мне, а сами сядьте рядом. Здесь свободное место, – стала уговаривать Даша.
- Хорошо.

Она протянула девушке ребёнка, сама уселась в соседнее кресло.

Кроха покряхтел немного, собираясь издать очередной крик. Даша представила, что тельце малыша обволакивает чистое, тёплое сияние. К огромному удивлению она тут же увидела свет, льющийся из её рук и окутывающий младенца. Даша ясно разглядела тёмные пятна в животе крохи, воспалённые десны и горло. Постепенно пятна на свету стали таять, медленно исчезая. Боль превратилась в пепел, он серым облачком повис над малышом. Даша машинально свободной рукой смела тёмный сгусток в ком и выбросила в приоткрытое окно автобуса. Она убрала боль, недомогание из тела младенца так просто и легко, словно всю жизнь занималась целительством.

- Ой, он замолчал на ваших руках. Вы смогли его успокоить, – удивилась женщина.
- Думаю, он устал и захотел спать. Мне просто повезло, – ответила Даша, понимая, что не стоит говорить правду.

Пассажиры облегчённо вздохнули и, расположившись удобнее, задремали.

- Дайте его мне, кажется, он заснул, – прошептала мама малыша.
- Я подержу ещё немного, а вы приготовьте его корзинку. Поставите рядом с собой на сиденье и тоже сможете отдохнуть, – посоветовала Даша.
- Спасибо, девочка. Выйдешь замуж будешь хорошей мамой.
- «Если доживу до этого», – подумала Иволга.

Она была встревожена неожиданно появившимся знанием.

«Откуда я узнала, что с ребенком? И как нужно убирать боль?»

Умение появилось само: вспышкой, озарением. Вмиг стало ясно и понятно. Уж очень было жалко, смертельно уставшую женщину и измученного болью малыша.

«Интересно, бабушка лечила только травмами или тоже использовала свет? И что вообще это такое? Почему раньше я не видела болезни у других людей, а у малыша смогла? Ведь сразу осознала, что чернота в крошечном теле младенца – это болезнь. Пятна надо просто убрать, сжечь, направив на них свет».

Дашу неудержимо клонило в сон. Она чувствовала разбитость и слабость во всём теле, поэтому с радостью погрузилась в беспамятство. Проснулась Даша от того, что кто-то тряс за плечо.

– Просыпайтесь, приехали. Конечная остановка, выходите, – обращался к ней водитель автобуса.

Будил он, видимо, давно, потому что выглядел сердитым. Иволга открыла припухшие глаза и тотчас закрыла снова: в них словно песка насыпали. Тело от неудобной позы затекло.

– Хватит спать. Напьются, а потом дрыхнут. Ты остановку свою не проехала? – поинтересовался шофер, переходя на ты, решив больше не церемониться. У пассажирки были красивые, как с тяжелого похмелья глаза, и помятый вид.

– А это Ростов?

– Ростов, Ростов. Выходи, похмелись в киоске болезная, – посочувствовал он. Все же девушка была симпатичная.

– Я не пила, – возмутилась Даша.

Мужчина ухмыльнулся:

– Все вы не пьете, пока не нальют.

Даша с большим трудом подняла сумки, ставшие вдруг неподъемными, и поплелась к камерам хранения.

«Нужно поесть, а не то упаду. Потом буду соображать, как добраться до Беловодья», – решила она.

В маленьком привокзальном кафе воняло сигаретным дымом и спиртным – Дашу затошнило. Кроме блинчиков и пельменей ничего другого в меню не оказалось. Она взяла пару блинов и кофе. Подкрепившись, чуть повеселела, сил не прибавилось, но в животе больше не урчало.

В справочной миловидная дама объяснила, что Беловодье находится в тридцати километрах от Ростова и туда можно добраться и на автобусе, и на маршрутке номер двадцать. Дотащив сумки к остановке маршрутного такси, Даша еле стояла на ногах. Лицо девушки цветом напоминало алебастр, губы посинели, тело тряслось мелкой дрожью. Мест на скамейке не было, Даша в бессилии прислонилась к большой березе, и устало закрыла глаза. «Что со мной?»

В глубине души она уже знала ответ: слишком много энергии потратила на лечение ребёнка. Утреннее солнце ласкало бледное лицо Даши, лёгкий ветерок играл светлыми волосами. Она блаженствовала. Кожу на руках, ногах и всём теле приятно пощипывало.

«Я как растение, которое поливают после засухи и оно постепенно оживает... Точно я оживаю, силы вливаются в меня откуда-то», – восторгалась Даша.

Приоткрыла ясные, чистые глаза. В теле не осталось ни следа усталости. Легко подняла большую сумку, маленькую повесила на плечо и пошла к подъехавшей маршрутке. Если бы она могла видеть себя со стороны, то поразилась бы произошедшим переменам. Волосы теперь сияли здоровьем, нежное лицо с легким румянцем светилось изнутри. Глаза приобрели цвет золотистого меда, насыщенного, прозрачного с искорками солнца.

«Значит, я способна солнечным светом восстанавливать силы. А помогая малышу ночью – отдавала их. Бабушка тоже так делала? Что ещё она скрыла от меня? Тогда в больничной палате врач забрал у бабушки последние, жизненные силы. Значит, именно они и нужны «тёмным»? А почему сами не берут энергию от солнца? Не могут? Или питаются чем-то другим? Как тогда от них защититься? Сколько вопросов, на которые предстоит найти ответы. Смогу ли?» – размышляла Даша.

Беловодье оказалось поселком городского типа. Большие, шикарные двух, трехэтажные особняки гордо выстроились вдоль центральной улицы. Не по-деревенски хороший асфальт, тротуары, уложенные цветной плиткой, порадовали бы девушек, обожающих высокие каблуки. Возле домов раскинулись ухоженные лужайки, покрытые газонной травой. Вечнозелёные кустарники и красиво подстриженные деревья украшали подъездные аллеи.

«Ничего себе! Это поселок миллионеров?» – недоуменно оглядывалась Даша.

Она пожалела, что не спросила у водителя маршрутки, где находится нужная ей улица. Около одного из домов открылись автоматические ворота гаража. На дорогу выехал чёрный джип. Молодой мужчина вылез из машины и вытер на лобовом стекле едва заметное пятнышко.

– Подскажите, пожалуйста, как найти улицу Озёрную? – обратилась к нему Иволга.

Мужчина обернулся. Он оказался настоящим красавцем. Высокий рост, классически-правильные черты лица, чуть насупленные брови и серые, словно хмурое небо глаза. Увидев девушку, хозяин джипа улыбнулся:

– Подскажу, прекрасная незнакомка, только это далеко. Садитесь, подвезу.

– Не надо, я сама дойду. Вы только направление укажите, – смутилась Даша. Таких ухоженных и красивых мужчин видела только по телевизору. Общаться с ними не приходилось, да и не очень-то хотелось. Она понятия не имела, как себя вести с ними и что говорить. Бабушка не очень-то поощряла любые отношения с противоположным полом.

Незнакомец подошёл, молча поднял большую сумку Дашы и понёс в машину.

Она на пару секунд онемела от наглости.

– Я же сказала: сама доберусь или у вас со слухом не в порядке! – разозлилась девушка, не столько от навязчивой помощи, сколько от сумятицы собственных чувств. Рядом с этим красавцем она ощущала себя безродной золушкой. Это чувство, ни разу не испытываемое ею раньше, сильно не понравилось Даше.

– Мне по пути, ну почти по пути, – поправил он себя. – Твоя улица далеко, глупо отказываться от помощи. – Мужчина легко и непринуждённо перешел на ты.

– Ну и ладно, пусть тебе будет хуже, – пробурчала Даша себе под нос. – Тыкает он. Ну и получай в ответ.

Она пошла следом и уселась на переднее сиденье, поставив маленькую сумку себе на колени. Последние золотые искры в её глазах погасли, вернув им прежний бирюзовый цвет.

Мужчина сел за руль и покосился на мрачное лицо незнакомки.

– Как тебя зовут?

– Дарья, – коротко ответила она, удобно устраиваясь на мягком кожаном сиденье. В салоне приятно пахло дорогими автомобильными отдушками.

Незнакомец хмыкнул и подумал, что явно не понравился девушке. Такого давно с ним не случалось.

– А меня Леон. Приятно познакомиться. У просто Дарьи есть фамилия?

– А паспортные данные не нужны? – съехидничала она, чувствуя себя неловко в шикарной машине.

– Желательно, но пока хватит и фамилии. – Леон улыбнулся: эта колючка понравилась ему, скорее из-за контраста с его знакомыми девушками.

– Иволга.

– Что? Не понял, какая иволга?

– Фамилия моя Иволга. Вы и правда глуховаты немного, – посочувствовала Даша, краснея от собственной наглости.

– Не замечал, а вот ослепнуть могу: такая красивая девушка.

– Прямо принцесса, нет королевна, – с сарказмом пробормотала Даша. Ей не нравилось, что над ней насмехается незнакомый молодой мужчина.

Асфальт закончился, джип свернул на грунтовую дорогу. Показались обычные деревенские домики с палисадниками и фруктовыми деревьями во дворах.

Даша облегчённо вздохнула:

– Ну, слава богу, нормальные дома, а то я испугалась, что произошла ошибка.

– Интересно, а на моей улице дома ненормальные? – осведомился Леон. Почему-то с этой девушкой хотелось шутить и препираться. Это было совсем не в его характере.

– Конечно. Там дома выпендрежников: кто больше и выше построит дом, тот и круче, – ответила Даша и неожиданно для себя состроила уморительную рожицу.

– Ну, допустим не все выпендрежники, а просто состоятельные люди, заработавшие деньги своим трудом, – улыбаясь, пояснил он. Его глаза остались спокойными, даже серьезными, они совершенно не участвовали в улыбке.

– И вы в свои небольшие года тоже успешно потрудились? Сколько вам?

– Двадцать семь.

Даша похлопала рукой по светло-кремовой обивке сиденья.

– Вот, вот непосильным трудом заработали на этот джип.

– По-моему мы уже переходили на ты. Какая грозная девушка, – усмехнулся Леон.

– Точно. Классовый враг внутри меня подзуживает не доверять вам... тебе. Останови машину, впереди нужный мне дом. Спасибо, что подвез, – почти искренне поблагодарила Даша.

– Я ещё смогу тебя увидеть? – Леону не хотелось вот так расставаться с интересной девушкой. Что-то особенное было в ней, – он снова улыбнулся. На этот раз в улыбке участвовали и глаза, от этого лицо мужчины стало ещё красивее.

– Нет, и не зачем. У меня много дел, – смутилась Даша, не веря своим ушам. Чем она могла заинтересовать его?

– Скажи хотя бы, ты в гости приехала? – умоляющим голосом спросил он.

«Ему не идет этот тон, наверняка редко приходится просить», – невольно отметила она.

– Нет, не в гости. Домой. Вот только узнаю у этих добрых людей, где мой дом.

Даша показала на стоящую во дворе пожилую женщину. Та внимательно смотрела на остановившуюся машину.

Девушка вышла из джипа. Леон непонимающе глянул на неё и, достав из багажника сумку, поставил на обочину дороги.

– И всё же, я хотел бы увидеть тебя снова. Дай хотя бы номер телефона, – попросил он.

– Ты у всех случайных знакомых спрашиваешь номер? – поинтересовалась Даша.

Улыбка тронула его губы.

– Нет, только у девушек.

– У меня не будет времени на легкомысленные свидания. Я говорю правду, а не набиваю себе цену, – пояснила она, чувствуя себя глупой провинциалкой.

Леон тронул её за руку. Он сам не понимал: почему так добивается внимания этой девушки.

– Пожалуйста.

– Ладно. Записывай.

Иволга продиктовала номер и, взяв сумки, пошла к женщине.

Вблизи та выглядела старше: бабушкой после семидесяти лет.

– Смотрю, машина остановилась, а никто не выходит. Вы к нам? – обратилась она к Даше.

– Здравствуйте. Вы Болдырева Елена Ильинична?

– Она самая. А ты, чья будешь? Не признаю что-то. – Елена Ильинична пристально вглядывалась в лицо гостьи.

Даша открыла маленькую сумку, достала паспорт. Маленькое фото бабушки Веры хранилось в нем давно.

– Я внучка Веры Федоровны – Дарья. – Иволга протянула фото бабушки.

– В гости приехала или как? – встревоженно поинтересовалась пожилая женщина, возвращая снимок. Она суетливо поправила совершенно седые волосы, убранные в причёску.

– Надеюсь надолго. Хотела бы пожить в родовом доме. Бабушка говорила, что вы приглядывали за ним. Я за ключами.

Даша с удивлением заметила панику на лице пожилой женщины.

– Ой, что же я держу тебя во дворе. Ты с дороги, голодная, наверно. Заходи, пообедаешь с нами и расскажешь, как дела у бабушки. Мы с ней в одном классе учились, – запричитала Елена Ильинична, подталкивая гостью к входной двери.

Иволга не стала отказываться от приглашения, зашла в дом.

– Посиди здесь, я схожу на кухню.

Старушка торопливо вышла в другую комнату.

Даша присела на диван и огляделась. На подоконниках плотно стояли горшки с цветущей геранью. Множество безделушек: слоники, фарфоровые фигурки ангелочков, маленькие и большие вазочки, пепельницы заполнили все возможные горизонтальные поверхности шкафов, тумбочек, столов. Стена пестрела от количества старинных чёрно-белых и современных цветных фотографий. Даша с интересом принялась их разглядывать. Из кухни слышались приглушённые голоса.

– Лина, поторопись, – говорила кому-то Елена Ильинична.

– Бабуль, отстань, я отдыхаю! Мне к выпускному балу нужно хорошо выглядеть, – отвечал сердитый девичий голос.

Далее последовала плохо слышная перебранка. Иволгу заинтересовала одна чуть громче сказанная фраза.

– Лина, я задержу её здесь, а ты передай, чтобы он быстро убрался из дому!

«Кого бабушка задержит, меня что ли? И кто должен убраться и откуда?» – испугалась Даша. Её моментально охватила паника. В этот момент в комнату зашла Елена Ильинична, неся перед собой тарелку.

– Суп свеженький, только что сварили. Кушай, а я компот и печенье принесу, попью с тобой, – приторно ласковым голосом сказала хозяйка.

Иволга посмотрела вслед старушке «особым» взглядом: черноты в её ореоле не наблюдалось. Обычный цвет, чуть краснее, чем у других. Она ещё маленькой научилась смотреть на людей расфокусированным взглядом. Тогда вокруг любого человека возникало изображение цветной светящейся картинки. Сияние у всех имело разные оттенки, но стоило отвести взгляд в сторону или просто моргнуть – всё исчезало. Как-то в первом классе Даша, задумавшись, бросила взгляд на сидящую впереди одноклассницу. Та вдруг красиво, как радуга, засветилась. Даша ахнула и попыталась рассмотреть это чудо, но оно пропало. Чуть позже сообразила, как нужно вглядываться в людей, чтобы появились разноцветные всполохи. Бабушка Вера называла это дефектом зрения, и она старалась не часто портить глаза. Вскоре, осторожно задавая вопросы ровесникам, убедилась, что у остальных детей такого дефекта нет. Однажды в журнале «Наука и жизнь» Иволга увидела несколько картинок на первый взгляд, состоящих из цветных или однотонных точек, пятен, шариков. Если на такие рисунки посмотреть рассеянным взглядом, всё начинало двоиться. Из картинки выплывало объёмное изображение. Если также глядеть на людей, вокруг человека появлялся разноцветный светящийся ореол.

Подняв голову от тарелки с супом, Даша глянула в окно: через двор пробежала девушка. В её ауре тоже не наблюдалось черноты.

«Эти люди мне не враги. Их разговор не касался меня, нельзя подозревать всех поголовно», – успокоила себя Даша.

Елена Ильинична принесла компот, домашнее печенье и присела рядом.

– Ну, как поживает моя подруга детства?

Гостья поперхнулась супом. Откашлявшись, тихо произнесла:

– Она умерла. Поэтому я и решила переехать сюда.

– О господи, беда какая! Отчего умерла? – полюбопытствовала старушка. Выцветшие бледно-голубые глаза заинтересованно прищурились.

– Сердце... наверно.

Даша не могла сказать правду, а лгать было тяжело.

– Да... вот живешь, живешь и не знаешь, когда твой час настанет. А ты что же одна в доме жить будешь?

Дашу сердил этот разговор.

– Ну да, одна. Я справлюсь.

– Мы с Верой погодки, ходили в одну школу. До двенадцати лет дружили, а потом ей некогда стало гулять. Всё время с бабушкой пропадала: помогала принимать больных, собирала травы, готовила какие-то снадобья. В то время их семья была большой: дед Федор, бабушка Настя, Ольга – Верина мать, Миша, Катя. Жили они неплохо. Их за лечение люди благодарили. – При этих словах лицо Елены Ильиничны исказилось, стало неприятным, будто воспоминания до сих пор вызывали досаду. – Конфеты у них на столе стояли. Не то, что у нас дома, из сладкого – только морковка да репа.

«Да она до сих пор завидует», – поняла состояние собеседницы Иволга.

Елена Ильинична раскрошила печенье в блюде.

– Всё у них было – да прахом пошло. У Веры умерла дочь, нагулянная, между прочим. Бабка твоя не была замужем, а ещё мне советовала не выходить замуж за Гришу, мол пьяницей будет. Мой-то, может, и пьяница, но дети в законном браке рождены. Троих подняла, всех выучила. Вера же – гордячка! Принца ждала и осталась с брюхом одна. Принц-то сбежал, а нечего наперед гордиться. Так вот, после смерти Анны, матери твоей, Катя пропала – это бабка твоя двоюродная. Говорят, и Миша давно умер – это дед твой. А Вера ничего лучше не придумала, как кинуть двух старух на произвол судьбы и умотать с тобой неизвестно куда. Прямо скажу, не по-людски поступила. На похороны бабы Насти не приехала, а она-то в ней души не чаяла. Наверное, до смертной минутки свою Веру выглядывала. Столько людей знахарку хоронило – страсть! Многих она вылечила. А теперь, значит, и Вера отошла в мир иной.

При этих словах голос Елены Ильиничны стал плаксивым. Но выражение лица выдавало злорадное торжество старой женщины над умершей ровесницей.

Даша с трудом проглотила печенье, запив его компотом. Вся еда отдавала горечью из-за неприятных слов о её родных, уже не имеющих возможности защитить себя.

– Спасибо, что накормили. Можно взять ключи? – еле сдерживая неприязнь и раздражение, спросила Даша.

Елена Ильинична собирала с блюда крошки печенья и ела их, словно клевала.

– Погоди, расскажу далее. Кто тебе о родственниках поведает, кроме меня. Ой, не хорошо тогда Вера поступила. Ой, не хорошо. Ну да бог ей судья. Хоронить мать свою, Ольгу, приехала, тут ничего не скажу. Попросила меня за домом и садом присматривать. Кое-какие деньги высылала. Людей нанять, чтобы траву скосили, крышу залатали. Скажу сразу, небольшие деньги. Еле хватало.

Маленькие глазки старухи осуждающе посмотрели на гостью.

Даше стала не приятна и эта бабка, и её дом. Она, молча смотрела на заставленную мебелью комнату, на массу безделушек, покрытых пылью, и мечтала поскорее вырваться отсюда.

– Значит, Вера умерла. А ты почему там не осталась?

– Хочу пожить на родине предков, – ответила Даша.

– К корням своим потянуло. А ты не лечишь, как твои родичи? Вот у меня тут болит. – Елена Ильинична стала поднимать горчичного цвета кофточку вверх.

– Я не умею лечить, – перебила её Даша, – бабушка меня не учила.

– Жаль. Твои бабки хорошие знахарки были. А Вера лечила там у вас?

– Нет, не лечила. Спасибо за всё. – Иволга поднялась и повесила сумку на плечо.

– Да на здоровье, деточка. – Старушка принялась собирать посуду со стола.

Из кухни послышался девичий голос.

– Бабушка, я сбегала за молоком, как ты просила!

Елена Ильинична облегчённо вздохнула.

– Ну, тогда проводи гостью и покажи дом.

В комнату вошла высокая, крепкая девушка с хорошей осанкой. Густые, медно-рыжие волосы волнами спадали на плечи, лицо загорелое с крупными чертами. Кожа, что называется «кровь с молоком». Она радушно улыбнулась гостье.

– Привет. Меня зовут Лина. Ты к нам откуда?

– С Кубани, – коротко ответила Даша.

– Школу закончила?

– Да, в этом году.

– Ходи за мной. – Лина вывела гостью на улицу.

Иволга еле успевала за идущей широким шагом собеседницей.

– Не поняла, ты, что не осталась на выпускной бал? Уехала? Ну, ты даешь! Я считаю, что нельзя пропускать три вещи: первый бал, первого парня и первую брачную ночь. Пусть даже она не первая! – раскатисто расхохоталась Лина.

Даша промолчала. Но внучке Елены Ильиничны и не требовался ответ. Она остановилась возле большого полуторатажного каменного дома с резными ставнями. Дом производил впечатление надежности и безопасности. Он был старым, но крепким и красивым. Прошедшие годы не оставили на нем разрушительных следов времени. За домом виднелся сад из огромных, давно не стриженных деревьев. Дикий виноград оплел невысокий забор из сетки рабицы. Казалось, что перед домом стоит сплошная зелёная стена.

– Мы пришли. Это твои хоромы. Располагайся, не буду мешать. Да, хотела спросить: ты что знакома с Леоном?

– Нет. Этот мужчина просто показал нужную мне улицу.

– Понятно. Я пошла, ещё увидимся соседка.

Лина помахала рукой и с грацией молодой слонихи отправилась домой.

Даша открыла калитку. Во дворе сквозь асфальт проплешинами пробивалась трава. Она поставила у крыльца сумки и прошла в сад. Запущенные деревья без ухода человека росли, как им было удобно, заполняя всё свободное пространство. Яблони вымахали до семи метров в высоту, вишни и абрикос успешно соперничали с ними. Трава под деревьями почти не росла, и только на небольших лужайках там, куда попадало солнце, она ковром покрывала землю, её пышную зелень разбавляли полевые цветы. Сад очаровал девушку. Она представила, как по нему, будучи ребенком, бегала бабушка, играя в прятки с братом и сестрой. Вдруг закололо в сердце и стало трудно дышать, слёзы проделали дорожки на щеках. Даша облизнула солёные губы и оглянулась на дом. Два окна, выходящие в сад, словно глаза, печально смотрели на неё. Подойдя к стене, выложенной из серого пиленого камня, она провела по ней рукой и прошептала: «Ты скучал по хозяевам? Последняя из них вернулась к тебе. Помоги понять, что происходит?»

Рядом с воротами, оплетенными виноградом, сохранился ствол от какого-то большого дерева. На остатке толстой ветки висели два обрывка просмоленной веревки. Вероятно, здесь когда-то висели детские качели. К горлу девушки подкатил комок, рука до боли сжала ключи. Иволга постояла, закрыв глаза, успокаивая ноющее сердце. Наконец, решительно поднялась по выщербленным ступенькам крыльца и открыла входную дверь.

В доме имелось три спальни, светлая «зала» и прихожая. Застеклённая веранда протянулась на всю ширину здания. В левом крыле расположилась уютная, большая кухня. Из кладовой, через люк в потолке, по приставной лестнице можно было подняться на чердак. Даша обошла дом, рассматривая несовременную, но добротную мебель, потертые коврики ручной работы, шкафы со старыми книгами. Её не покидало подозрение, что в помещении что-то неправильно. Выбрав одну из спален, разложила вещи в шкафу. Укладывая последнюю кофту на полку, догадалась, что насторожило, едва она переступила порог. В доме нигде не было

паутины и пыли. Комнаты выглядели жилыми, будто последняя хозяйка покинула их не тринадцать лет назад, а только что вышла на минуту.

«Неужели все эти годы соседи убирали в доме? Какие молодцы, а я о них плохо подумала» – покаялась Даша.

Кухня сияла чистотой, и если в других комнатах наблюдался небольшой беспорядок, то здесь недавно убирали. Удивлённая Даша пообещала себе обязательно поблагодарить Елену Ильиничну. В посудном шкафчике аккуратными стопками стояли тарелки, на верхней полке – несколько больших чайных кружек. Даша достала одну и подержала в руке: глиняная кружка была тяжелой, но при этом очень красивой. Ярко-синие васильки украшали ободок чашки и ручку.

Кухня оказалась самой солнечной комнатой в доме. Пол, покрытый прозрачным лаком, так и манил пройти по нему босиком. На окнах с широкими подоконниками легко представлялись горшки с роскошными цветами. Короткие, когда-то белоснежные занавески, пожелтели, но не утратили нарядности.

«Нужно сходить в магазин, – решила Даша, – и заодно осмотреть поселок».

Вернувшись из магазина, она разложила покупки на столе.

«Балда, зачем купила замороженные продукты, их же нужно хранить в холодильнике».

Оглядела кухню – в углу заметила старенький «Север». Открыв дверцу, удивилась: холодильник работал, в морозилке лежала пачка пельменей.

«Ничего не понимаю. Не мог же он работать столько лет. Или соседи хранили в нём провизию?»

Глубокой ночью Дашу разбудил шорох. С чердака раздавался звук тихих шагов. С бьющимся сердцем она вскочила с кровати, прислушалась – совершенно точно в доме кто-то был. Не зажигая свет, Даша нащупала телефон, подсвечивая экраном, осторожно прошла на кухню. На столе стояла купленная днём тяжелая керамическая сковорода. Пальцы сжались на ручке сковороды. Стараясь ступать не слышно, Даша направилась в кладовую. Дверь оказалась открытой. Иволга вошла и внимательно осмотрелась. Люк на чердак зиял чернотой, верх лестницы терялся в открытом отверстии. Вдруг из тёмного пространства в потолке показались чьи-то ноги. Даша выключила телефон и отступила за полку. Из кухни, освещённой луной, в кладовую просачивался тусклый свет. Ночной визитер спускался по лестнице, держась за перекладины одной рукой, другой что-то крепко прижимал к груди. Шагнул вперед, Даша ударила незнакомца сковородой по затылку. Он охнул и кулем свалился к её ногам. Предметы из рук поверженного посыпались на пол. Она включила свет. На полу лежал молодой мужчина, рядом с ним валялась старинная книга в кожаном переплете, маленький фонарик, тетради и блокнот. Даша принесла из спальни два пояса и связала грабителя, пока он находился без сознания. Потом сходила на кухню и, взяв стакан воды, плеснула ему в лицо. Незнакомец застонал и открыл чёрные, как ночь, глаза. Какое-то время молча рассматривал девушку, потом хрипло прошептал:

– Ты светишься, сильно светишься. Первый раз вижу такое сияние. Это ты меня стукнула по голове?

– Я. Что ты делаешь в моём доме? – поинтересовалась Даша. Мужчина был без чёрного тумана – это она проверила сразу. Вокруг него имелось лёгкое свечение, что очень обрадовало.

– Долго рассказывать, – вздохнул он и попытался сесть.

– Ничего я не спешу.

Мужчина приподнялся и прислонился к стене.

– Ну, слушай. Я предупредил, что это долгая история. Мне исполнилось десять лет, когда впервые увидел разноцветную ауру вокруг людей. Быстро сообразил, что «цветные» чаще всего добрые и честные, а «тёмные» в большинстве своём оказывались злыми и жестокими. Так, не зная человека, могу точно определить, хороший он или плохой. Оказалось, что никто во всём детдоме не видит того, что видел я. Понял, что я особенный, это мне понравилось. Представлял себя суперменом, но опасаясь прослыть ненормальным, почти никому не говорил о своём даре. Потом заметил, что могу снять небольшую боль, прикоснувшись к человеку. Правда после самому становилось плохо: тошнило, много дней держалась слабость. Догадался, что лечить людей не моё призвание.

Незнакомец сморщился и почесал голову связанными руками.

– После девятого класса из чистого упрямства поступил в медицинское училище. Хохма – одни девчонки и нас трое парней на всём курсе. Окончил училище – здравствуй армия. Дальше институт иностранных языков, у меня к ним способности – такая моя биография. После института поехал в детдом. А там почти весь персонал сменился, из старых кадров только одна воспитательница осталась. Она меня сразу вспомнила, пригласила домой поговорить в спокойной обстановке. Мы пили чай, рассматривали фотографии, беседовали.

Петровна спросила: «Ещё видишь ауру, или дар исчез?»

Когда мне исполнилось двенадцать лет, я открыл ей свою тайну и спросил воспитательницу. Что за чудеса наблюдаю? Рассказал, как это выглядит – она поверила. Объяснила, что аура – это излучение человеческого тела. В общем, я ответил Петровне, что вижу по-прежнему. Тогда она посоветовала поехать в поселок Беловодье, найти на улице Озёрной знахарку и поговорить с ней. Эта бабушка лет двадцать назад вылечила у неё жуткий псориаз. Она произвела на воспитательницу сильное впечатление умом, глубокими знаниями трав и различных способов лечения. Петровна сказала, что целительница сможет понять природу моего дара и что-нибудь посоветует. Только одного не учла: травница тоже человек и не может жить вечно. Приехал сюда – выяснил, что бабушка умерла. А вторая знахарка лет шестнадцать назад вместе с внучкой покинула родных. Дом стоит пустой. За ним присматривают соседи и сдают квартирантам с условием: косить траву в саду, чинить всё, что сломается. Прежние квартиранты съехали, и я снял дом на время. У меня свободный график работы. – Он посмотрел на удивлённое лицо девушки.

Даша не сводила с него подозрительного взгляда.

– Я перевожу техническую документацию для иранских фирм. Работаю у себя дома на компе. – Заметив немой вопрос в глазах Иволги, пояснил: – У меня однокомнатная квартира в Ростове. Получил после детдома. Сейчас некоторый простой в делах. Появилось время разобраться с тайнами. Вчера сюда прибежала Лина и сказала, что появилась внучка знахарки. Мне лучше уйти, поскольку они сдают дом без согласия хозяев. Пока тебя угощали, я собрал вещи, а записи забыл на чердаке. Вот и полез за ними ночью. Какой у тебя, однако, чуткий слух? Я так старался, ходил тихо-тихо.

Даша улыбнулась, глядя в расстроенное лицо парня. При его жгуче-чёрных глазах короткие, светлые волосы смотрелись странно. Выражение лица плутовское, в уголках губ таилась насмешливая улыбка. Лоб пересекал тонкий, как волос, шрам.

– Ходил тихо? Ага. Как слон в посудной лавке. Я так понимаю, эта книга тебе не принадлежит? – поинтересовалась она, поднимая тяжелый фолиант с пола. – Бабушка говорила, что на чердаке хранятся записи моего прапрадеда.

– Каюсь, хотел стащить тайком. Она нужна мне. Успел перевести только пятьдесят страниц текста. Отдай её мне, пожалуйста.

– Какое совпадение, мне тоже нужна эта книга. Ты не представляешь как. Затем я и приехала сюда, – пояснила Даша.

– А ты посмотри, сможешь ли прочесть хоть одно слово? – посоветовал похититель. – Не бойся, не укусит, – ухмыльнулся он, глядя, как Даша осторожно открывает книгу.

Незнакомые витиеватые буквы на непонятном языке густо усеивали страницы ровными строчками.

– Мы нужны друг другу, – ехидно заулыбался ночной гость. – У тебя книга, а у меня знания. Ты не представляешь, как я обрадовался, когда понял, на каком языке сделаны старинные записи. Шанс один на пятьдесят, но он выпал мне. Так совпало, что я учил именно этот язык. Просто чудо. Ну что будем знакомиться? Я Венсан Лоу. Может, развяжешь меня, а то руки затекли?

– Как ты сказал – Венсан Лоу? Это что, псевдоним? – удивилась Иволга.

– Нет, к сожалению. Завтра покажу паспорт – это моё имя и фамилия. Я рад, что не назвали Бельмондо: в детском доме директриса любила давать экзотические имена. Когда я там появился, у неё был французский период. Один мой друг носит имя Жерар, другой Ришар, так что у меня не худший вариант. А тебя как зовут?

– Дарья Иволга.

– Ух ты, как красиво! Повезло тебе, – восхитился хитрец.

– Как же мне тебя называть? – размышляла Даша, почёсывая макушку.

– Как угодно, только не Веником. Да развяжи ты меня. Поговорим нормально за кухонным столом. Я есть хочу. Там, в холодильнике, пельмени остались, забыл забрать. Вообще-то я не хотел тебя пугать, легко мог развязаться сам. Учти на будущее: никогда не связывай руки спереди. Освободиться плевое дело: у каждого есть зубы, – хмыкнул он, подмигивая, растерянной девушке.

Даша развязала пояса и отступила в сторону. Венсан помассировал затёкшие запястья рук. Собрав тетрадки с пола, отнес в зал. Там же на стол положил книгу и блокнот. Потом отправился в кухню, не обращая на неё внимания. Она последовала за ним, начиная злиться. Села на табурет, заинтересовано наблюдая, как Венсан набирает в кастрюльку воду, ставит на огонь.

– Ты есть будешь? Пельмени на твою долю варить?

– Нет. Я уже поела, а вот чай, пожалуй, выпью. Где ты будешь жить?

– Тут, если позволишь. Меня до утра приютили Болдыревы, но поскольку книга здесь, хочу быть рядом и закончить перевод. Не бойся, приставать не буду: ты ещё маленькая.

– Мне семнадцать лет, – возмутилась Даша и подумала: «Не очень умно оставлять незнакомого мужчину в доме, но он «светлый», а значит, не может быть плохим человеком. А ещё я нуждаюсь в поддержке, даже такой. И книгу не хочу упускать из виду, вдруг там ответы на все мои вопросы. Пусть они будут у меня на глазах и книга, и Венсан. А там посмотрим». Она не призналась себе, что большую роль сыграло и внезапное влечение к нему. Когда она смотрела на него, сердце стучало сильнее прежнего.

– Ты обиделась, что не буду приставать или что назвал маленькой? – усмехнулся Лоу и задумчиво потёр ямочку на подбородке.

Даша не придумала ответ и запустила в него чайной ложкой. Венсан легко поймал её на лету.

– Скажи-ка, Иволга, почему ты приехала одна, как тебя отпустили? Мне просто интересно.

Он достал из холодильника пачку пельменей и заглянул в кастрюльку.

– Вода не закипела.

– Значит, соседки тебе ничего не сказали. Приехала одна потому, что больше никому меня опекать.

Слёзы заблестели на глазах. Даша поспешно отвернулась.

– Ну-ка выпей воды и Расскажи в чём дело.

Венсан внимательно посмотрел на хозяйку дома и словно ребёнка погладил по голове.

Эта незамысловатая ласка оказалась той каплей, что переполнила с трудом сдерживаемое, невыплаканное ею горе. Она залилась слезами, поскуливая, как щенок, вытирая мокрый нос краем футболки. Лоу сел рядом и обнял плаксу.

– Что случилось? Мне можешь рассказать, поверь. Все-таки мы собратья по свету.

Незаметно для себя Иволга поведала ему о больнице, о том, что случилось с бабушкой. Хотелось поделиться с кем-нибудь своими мыслями, сомнениями, горем и страхом последних суток. Венсан не перебивал, изредка задавал вопросы в непонятных местах рассказа. Говорили долго. Она медленно успокаивалась. Потом вместе съели пельмени, которые ему удалось-таки сварить.

– На некоторые твои вопросы я могу дать ответы. Но сначала давай отдохнём. Сейчас я вернусь к Болдыревым, а утром скажу, что видел тебя, и ты сдала мне комнату. Вернусь сюда, и тогда продолжим разговор.

Венсан взъерошил волосы и помассировал пальцами усталое лицо.

Даша кивнула, зевая. Она засыпала за столом. Сказывалось потрясение и бессонная ночь.

Дашу разбудил звонок телефона. Не открывая глаз, она нащупала трубку.

– Негодяйка, почему не звонишь? С тобой всё в порядке? Я же волнуюсь! – кричала Ирина.

– Добралась нормально. Со мной всё хорошо. А что у вас?

– В час дня меня разбудил участковый, не дал выспаться после выпускного по-человечески. Спрашивал: не случилось ли с тобой беды? Куда ты уехала? И почему? Его, оказывается, науськала твоя соседка. Что ей от тебя надо? И что вообще происходит? Мне пришлось дать твой номер телефона полицейскому, – засыпала вопросами подруга.

– Обещаю, объясню, когда придёт время.

– Подружка, тебя осуждают: уехала, не осталась на похороны бабушки. Какой-то солидный дядька командует в вашем доме и объясняет, что ты вынужденно покинула станицу. Мол у тебя нервный срыв и всё такое...

– Перестань, мне и так тяжело! Я не могла поступить по-другому... Пока.

Даша посмотрела на часы – шестнадцать двадцать. Ничего себе! Она досадовала на несвоевременную сонливость. И тут снова зазвонил телефон, на дисплее высветился незнакомый номер. Даша молча, поднесла трубку к уху.

– Алло, Иволга, это участковый, где вы находитесь? У вас всё хорошо? Почему так поспешно уехали?

– Всё хорошо. Я уехала поступать в институт, на похороны не смогла остаться. Извините меня, пожалуйста, – ответила она и отключила телефон.

Поднявшись с кровати, Даша открыла форточку в спальне. С улицы пахло горячим раскалённым воздухом. Она поморщилась и глянула в зеркало: волосы в беспорядке торчали во все стороны, глаза припухли от слёз и сна, верхняя губа, прикушенная вечером, стала толстой.

«Блин, та ещё красавица, – расстроилась Даша и тут же отругала себя: – О чём я думаю? Эгоистка. Бабушку убили. А я о внешности печалюсь».

Пошатываясь, пошла умываться. В двери ванной неожиданно налетела на Венсана.

– Ты что здесь делаешь? – вырвалось у неё.

– Вот это подарок! Штанишки с кружавчиками, маечка в оборочках, растрепанная Мальвина, да и только, – пошутил Лоу. – Дом не заперт. Ты не осторожна. А я, мадам хозяйка, пришёл, как договаривались на постой. И пришёл уже давно. Ну, ты и соня. – Он шутливо раскланялся.

Даша покраснела и с досады лягнула гостя по голени, после чего быстро спряталась за дверь.

– Между прочим, я думала, что ты запер дом, когда уходил.

– Эй, драться-то зачем? Подумаешь, увидел в неглиже. А ты смешная в этом наряде. А дом мне запереть нечем, ключ-то один и он у тебя.

Щёки Иволги горели. Она прижала ладони к лицу, негодуя, что её угораздило появиться в таком виде перед мужчиной. Умылась, почистила зубы и выглянула в коридор. Убедилась, что он пуст, быстро пробежала в спальню.

– Садись, я сделал омлет и салат из капусты, – пригласил Венсан Дашу, появившуюся на кухне, к столу

На Лоу красовалась синяя футболка и светлые шорты. Он вольготно раскачивался на стуле.

На кухне умопомрачительно пахло свежим кофе. Даша сглотнула слюну.

– Спасибо за завтрак, – пробормотала она, присаживаясь. Даша переоделась в лёгкий сарафан из ситца в голубой горошек, мокрые волосы собрала в высокий хвост.

Венсан, улыбаясь, смотрел на неё.

– Скорее ужин: уже шестой час вечера.

– Ты уже перебрался? Болдыревым сказал? – поинтересовалась Даша, с аппетитом принимаясь за еду.

– Поставил в известность. Они предупредили меня, что ты коварная соблазнительница, вся в бабу – известную гулёну. Не успела приехать, как прикатила на джипе с Леоном, местным плейбоем. А ты, правда, приехала с ним? Откуда знаешь его?

– Господи, глупость какая! Он просто показал мне дорогу, – рассердилась Даша.

– Но телефончик, конечно, выпросил? – уточнил Венсан.

Она вскипела от негодования. Нашли гулёну. И почему Болдыревы, не зная человека, ставят на нём клеймо?

– Конечно. Только кому, какое дело?

– Никакого, успокойся.

Лоу поднялся и прошёл в зал. Сев на диван, открыл блокнот со своими записями. Но вместо работы в голову полезли всякие мысли: – «Почему меня злит, что Леон взял у Иволги телефон? Девушка-то симпатичная: небольшого роста, хорошо сложена, лицо сердечком, красивый рот. А какие у неё чудесные сине-зелёные глаза? Мне-то она сразу понравилась. Почему бы и Леону не заинтересоваться ей? Да потому, что она маленькая, ей только семнадцать, а нам по двадцать семь. Вот почему! Я сам удивился, встретив Леона в этом посёлке. Бывают же такие совпадения».

– Рассказывай, что успел узнать из книги прадеда, – попросила Даша, усаживаясь на диван рядом с Венсаном.

Он вздохнул: «Ко всему ещё она наивна и доверчива. Где такие непуганые только вырастают?»

– Начну по порядку. Рукописная книга начата твоим предком Инаром на языке фарси – это персидский язык. Тебе он скорее пра-пра-пра-прадед. Мне повезло: в институте я учил иранский и арабский языки, поэтому смог разобраться в записях. Пришлось немного помучиться, потому что рукопись написана на диалекте провинции Парс, столицы персидских арийцев, будущей Персии. В книге говорится: в 1722 году полководец Надир¹ со своим войском пошёл на помощь шаху Султану-Хусейну Сефевиду² в город Исфахан. Воевали тогда с афганцами. Твой предок при Надире был лекарем и сарфангом – лицом для передачи личных при-

¹ Полководец Надир – в 1736г стал шахом Ирана основатель династии Афшаридов.

² Султан-Хусейн Сефевид – шах Ирана 1694 – 1722г.

казов. Восемь лет он лечил «гази», воителей за веру, и лично полководца, пока тот не разбил афганского шаха Ашрафа³ и не изгнал турок из западных провинций Ирана. Полководец Надир в 1730 году объявил себя заместителем султана Сефевидов. Инар попал ко двору и получил доступ к шахской библиотеке. Среди множества свитков он нашел хроники, написанные летописцами до основания Ирана великим Кирием II⁴, в них упоминается о появлении «тёмных» людей и сияющих ангелов. На арабском языке людей, окруженных чернотой, называли берайя – создания твари.

– Так вот, кто они такие, люди, вокруг которых клубится тёмный туман! – воскликнула Даша.

– Да. И мы видим это.

Даша залезла на диван с ногами, поджала их под себя.

– Что дальше? Я внимательно слушаю.

Венсан скептически сдвинул брови: «Копошится, как квочка, да ещё тарашит свои невозможные зеньки. Слушает она». – Он кашлянул, прочищая горло и продолжил:

– Так вот, предположили, что берайя вселяются в определённых людей. «Тёмные» могут существовать в теле убийц, воров, насильников, то есть плохих людей и питаться энергией зла, ненависти, обиды и жестокости. «Светлые», солнечные – солман используют только «добрую» энергию, поэтому они выбирают людей с чистой душой. Инар был не только лекарем, он был «костром»: мог лечить наложением рук, даже не прикасаясь к больному, на расстоянии.

– Что? Какой костер?

Взволнованная Иволга схватила собеседника за руку и собралась рассказать ему о ночном происшествии в автобусе.

Лоу насторожился и подозрительно посмотрел ей в глаза.

– Ты что-то об этом знаешь?

Она засомневалась: стоит ли говорить.

Венсан, не дождавшись объяснений, понял: девушка что-то скрывает.

– Ты хоть осознаешь, как тебе повезло? Это история твоей семьи.

– Понимаю. Мне всегда хотелось узнать о предках. Я чувствовала себя деревом без корней, человеком без рода племени. Ой, извини, тебе, наверно, неприятно это слышать. Рассказывай дальше.

Даша отпустила его руку, уселась удобнее, подложив под бок подушку.

Лоу перевел дыхание. Девушка сидела в очень соблазнительной позе. Он разозлился на реакцию своего организма: «Тыфу! Реагирую словно сопливый мальчишка».

– Продолжаю. Инар видел ореол вокруг людей. Кстати, забыл спросить: – Ты видишь свечение?

– Вижу. И всегда хотела понять, что это такое?

– Как и я. Твой прадед тоже пытался объяснить свой дар, но ему повезло больше: он нашел древние записи и узнал, как всё начиналось. Жители погибшей планеты были разные по силе и способам получения энергии. Древние ученые разделили их на пять категорий.

Если «светлые» солман, вселяются в людей, то получается новый организм, вроде симбионта:

«Блик» – слабо светящийся человек.

«Луч» – может видеть ауру других людей.

«Свеча» – более сильное существо. «Свечи» могут лечить других людей, отдавая им свою энергию.

³ Афганский шах Ашраф отвоевал трон Султан-Хусейна и в 1725г был провозглашен шахом Ирана, продержался на этом троне четыре года.

⁴ Кир II – правитель из рода Ахеменидов, основатель Персидской империи, правил 558- 530г до н.э.

«Костром» – называются интенсивно светящиеся люди, умеющие врачевать на расстоянии.

Отдельную группу составляют «воины света» – «солнечное пламя», но о них ничего не известно. Написано только, что все «тёмные» их боятся: воины способны уничтожить любого берая.

«Тёмные» – берая делятся на четыре категории:

«Пелена» – слабые, питаются энергией от ссор, раздоров и склок.

«Дымка» – чуть посильнее, они способны вызвать головную боль, различные недомогания, болезни.

«Туман» – чаще всего это воры, насильники, палачи, очень жестокие, безжалостные люди.

«Мгла» – принцы «чёрных» вселяются в бесчеловечных злодеев, тиранов, полководцев, деспотов.

– Получается, внутри нас живут инопланетяне, дающие необычные способности, в свою очередь, берущие у людей подпитку определённой энергией.

– Как-то не очень приятно узнать, что во мне кто-то сидит, – вздохнула Даша.

– И не слабый пришелец сидит. Ты я думаю – «свеча». У тебя сильный свет, а я «луч» – даже лечить не могу. Спасибо, что не «блик», иначе даже ауры бы не увидел. После одной моей попытки вылечить другого человека, две недели восстанавливался.

Даша наконец решилась и поведала Венсану о своём первом, нечаянном излечении маленького ребёнка. Рассказала о слабости и сонливости охватившей после этого, о том, как грелась в лучах солнца и за двадцать минут к ней снова вернулись силы.

– Почему берая преследовали нас с бабушкой? Почему ждали семнадцать лет, а не уничтожили сразу.

Лоу смотрел на взволнованную собеседницу и понимал, что она перенесла за последние двое суток. Его обрадовало отсутствие у неё истерики и паники. Вряд ли девушка очень храбрая, но ведь держится. Он перелистнул страницы блокнота.

– На эти вопросы ещё предстоит найти ответы. Пока не знаю. Хочешь услышать, что было дальше?

Венсан взял вторую подушку и положил себе под руку. Длинные ноги закинул на сиденье стула.

– Теперь и мне удобно сидеть, – улыбнулся он.

– Продолжай, мне очень интересно.

– Кстати, отцом Инара был Шамс-ад-Дин начальник «Джемаат» одного из подразделений в янычарском войске. Мать – турчанка Лейла Sanasma, если перевести на русский язык означает – иволга. Догадываешься откуда у тебя такая фамилия?

– Значит это подарок от прабабки, – кивнула Даша.

– Впоследствии, когда шахом стал Надир, с посольством в Турцию к султану Махмуду I⁵ он отправил лекаря Инара для лечения любимой жены султана. В Турции Инара наполовину турка, считали своим и называли Иволгой, видимо после, эта кличка стала фамилией. Далее твой предок описывает, что в 1746 году он прошел обряд гавахгири⁶ и взял в жены персиянку из провинции Хамадан. Покинув двор с разрешения шаха, Инар с женой поселился в анджолине – общине зороастрийцев. Он принял их веру маздаизм⁷, которая учит принимать мир, как сочетание белого и чёрного начал. Белый цвет для зороастрийцев – символ чистоты. В 1748 году у Инара и Лейлы родился сын Арман, что на иранском языке означает мечта. Далее книга

⁵ Махмуд I – Турецкий падишах правивший 1730 – 1754г.

⁶ Гавахгири – свадебный обряд зороастрийцев.

⁷ Маздаизм – Зороастризм – религиозное учение, основанное Зороастром (Заратуштрой).

писалась Арманом он, как и его отец, стал лекарем. Вскоре его за необыкновенные успехи в лечении больных призвали ко двору шаха Карим-Хана-Зенда⁸. Во время военной экспедиции в Афганистан Арман, сопровождающий шаха, попал в плен. Он не смог вернуться в Иран. Его судьба сложилась удивительным образом. Книгу отца ему удалось сохранить и продолжить записи. Способности врачавателя не раз спасали его от гибели. Хотя Арман был в плену, но имел право свободно передвигаться по столице. Его несколько раз пытались убить недруги, но происки врагов, раз за разом заканчивались провалом. Люди, пытающиеся навредить лекарю, сумели отправить его в армию обычным военным врачом. Во время военных действий афганцев с азербайджанцами Арман снова попал в плен. Азербайджанский князь продал его чеченцам в качестве платы за породистых скакунов. Продали его очень дорого, как великого лекаря. Пять лет он прожил на Кавказе. Чеченцы брали Армана с собой во время набегов на русские поселения, для экстренной помощи тяжело раненым. В 1783 году он был ранен и оставлен в ауле близ урочища Муганму⁹. Почти два года он прожил в ауле, восстанавливая силы и исцеляя местных жителей. В 1785 году в Чечне вспыхнуло восстание. Священную войну против России начал Шейх Мансур¹⁰. Высланный против Мансура отряд полковника Нагеля¹¹ разбил чеченцев в Малой Кабарде, и русские войска заняли несколько аулов. Арман был освобожден, его зачислили в русский госпиталь в качестве помощника врача. Только в 1786 году, наконец, его отпустили, выдав документы на фамилию Иволга. Поселился он на Кубани, когда ему было около сорока лет. Арман женился на казачке, а спустя время переехал под Ростов в Беловодье. Он не забыл свою Родину Арианамвайджу – страну ариев – Иран. Всю жизнь он исповедовал зороастризм и почитал три столпа этой религии:

Хумата – благие мысли.

Хухта – благие слова.

Хваршта – благие дела.

Арман дополнил сборник лечебных растений новыми травами, растущими на русской земле. Обучил сына Искандера лекарскому делу. До Отечественной войны 1812 года оставалось пять лет. Искандер открыл, что при лечении людей светом лучше всего воздействовать на четыре жизненных сока: кровь (вода), чёрная желчь (земля), слизь (воздух), жёлтая желчь (огонь). При лечении жизненные соки нужно связывать со стихиями планеты. Тебе это что-то говорит?

– Понятия не имею? Я не только первый раз слышу, что у человека столько всяких гадов в организме, но оказывается на них ещё можно воздействовать, – удивилась Даша.

– Как бывший медбрат скажу, всё это действительно есть в человеческом теле, – засмеялся Венсан.

– Книга обрывается 1807 годом?

Даша опустила с дивана затёкшие ноги и стала переступать с пятки на носок, разминая их.

– Это удивительно, вдруг узнать, что предки родом из далекого Ирана.

– Да, интересная судьба у Инара. Книга не обрывается 1807 годом, далее идет справочник растений и заговоров. Я не успел перевести лечение травами, камнями, огнем, светом – там ещё много интересного. Различные способы врачевания и плетение заговоров от тёмных сил. Предстоит выяснить, пригодиться ли это нам.

– После Искандера кто-то продолжал написание книги?

⁸ Карим-Хан-Зенд – правитель Ирана с 1763 – 1779 г, основатель династии Зендов.

⁹ Муганму – лесной район в Чеченской республике.

¹⁰ Шейх Мансур – лидер кавказских горцев, поднявший восстание против России в 1785-1791г.

¹¹ Полковник Нагель – Ларион Тимофеевич Нагель офицер царской императорской армии, командовавший сборным русским отрядом на Кавказе.

– Не знаю. Следующие твои предки уже не знали иранского языка. Или не все были грамотными, – Лоу зевнул, прикрывая рот ладонью. – Хотя... ты сказала, что взяла с собой записи бабушки Веры. Вот их-то придется изучать тебе.

Даша повернулась и сердито посмотрела на Венсана.

– Ну и что это дает? Как защититься от берая? Почему они преследуют меня и почему убили бабушку?

– Много дает. Теперь мы знаем, отчего светимся. Научимся лечить раны, болезни. Я переведу заговоры, может, и найду что-то против них. На меня ведь никто не охотился. Здесь ещё полкниги, вдруг обнаружу, как от них можно избавиться, – попытался он успокоить собеседницу.

– Ты веришь в подселение инопланетян? – удивилась Даша. – А это не сказки древности далекой? Я лично ничего внутри себя не ощущаю.

– Думаю, не сказки, симбиоз с нами многое объясняет: святость, одержимость дьяволом, бесноватость, раздвоение личности, спонтанные озарения, видения и многое другое. Если смотреть с этой точки зрения, становятся понятными неожиданные поступки, как хорошие, так и плохие. Это объясняет свечение и черноту вокруг человека. Я думаю свет или тьма в ауре – это присутствие инопланетных существ.

– Ты хочешь сказать: они руководят нами, как марионетками, – фыркнула Даша.

– Нет, они не влияют на наши поступки, поведение, наоборот сами зависят от нас. Питаются энергией от эмоций: радостью, любовью, счастьем или злостью, ненавистью, болью. Думаю нашим светлым друзьям, сидящим в нас, понравится энергия любви. Давай я тебя поцелую? – Лоу шутливо протянул руки к девушке.

Она покраснела и торопливо отодвинулась в сторону.

– Ещё чего, экспериментировать с другими.

– Птичка, у тебя что не было парня? – ухмыльнулся Венсан, скрывая довольное лицо.

– Тебе какое дело? – огрызнулась Иволга и запустила в него подушкой.

– Когда кончаются аргументы, ты пускаешь в дело всё, что подворачивается под руку. Это весьма дурная привычка, – засмеялся он. – А насчёт тебя у меня большое дело: ты собрал по свету, а это больше, чем по крови. Слушай, только сейчас я понял: рассказы об ангелах и демонах – это о подселенцах.

Громкий стук в дверь заставил подпрыгнуть обоих. Венсан подошёл к входной двери.

– Кто там?

– Гость к вам, – из-за двери послышался весёлый смех. – Да открывайте же – это я Лина.

Лоу рукой показал Даше: убрать книгу и записи. Она кинулась прятать в шкаф.

– Заходи, дверь не закрыта. О, какая вы яркая, мадам, что отмечаем?

В комнату, держа плетёную бутылку с вином в одной руке, в другой целлофановый пакет с фруктами, зашла соседка.

– Хочу выпить с вами за окончание школы. Даша ведь не смогла отметить это дело? Я подумала, что нужно помочь, да и скучно одной сидеть дома вечером.

Голос Лины стал приторно сладким.

– Я смотрю, ты времени даром не теряешь, уже и квартиранта нашла.

Коротко обрезанные джинсовые шорты едва прикрывали бедра, тесная кофточка с глубоким вырезом, открывала вид на большую, красивую грудь. Лицо Лины до сих пор покрывал вчерашний макияж, немного поплывший от жары.

Иволга неожиданно разозлилась:

– Ну, положим, квартирант сам нашёлся, никто его не искал!

– Да неужели? Что ты говоришь? Как удобно? – ехидно вставила Лина. И обернувшись к Лоу, спросила: – Закуска есть? Где у вас стаканы? Давайте отметим вольную жизнь. – И уверенно направилась на кухню, тем самым сильнее рассердив Дашу.

– Кто же пьет в такую духоту, – попытался остановить её Венсан.

Лина озорно подмигнула ему и широко улыбнулась.

– Брось ломаться, ты же не бросишь девушку в беде.

Даша не могла не признать, что до Лины ей далеко: ни шикарной груди третьего размера, ни такой не по годам развитой фигуры у неё нет.

«Рядом с Линой я, как воробей рядом с павлином», – загрустила Иволга, не замечая насмешливого взгляда Лоу.

– Ну что стоим, чего ждём? – обратилась Лина к хозяйке, выглядывая из кухни.

Даша прошла к столу и посмотрела на Венсана. Он спокойно держал в руке стакан с вином и улыбался.

Лоу среднего роста, но гибкий, как танцор. Вот и сейчас, сидя на стуле, он принял невозможную позу.

Лина протянула Даше стакан.

Та несколько растерянно понюхала вино.

Соседка ухмыльнулась:

– Я тебе только капнула. Малышка не пьет, или не умеет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.